

ШКІЛЬНА
БІБЛІОТЕКА

Дитяча
енциклопедія

ЛІТЕРАТУРА УКРАЇНИ

Школьная библиотека. Детская энциклопедия

Коллектив авторов

**Література України. Для дітей
середнього шкільного віку**

«Фолио»

Коллектив авторов

Література України. Для дітей середнього шкільного віку /
Коллектив авторов — «Фолио», — (Школьная библиотека.
Детская энциклопедия)

ISBN 978-966-03-5965-9

Эта книга пригодится ученикам средней школы, да и вообще всем тем, кто интересуется литературой нашей страны, потому что творческие достижения украинских мастеров слова — как прошлого, так и настоящего — заслуживают большего, чем отстраненное уважение и перелистывание учебников. Попробуйте найти свободную минутку, чтобы взять в руки «Энеиду» Котляревского или «Кайдашеву семью» Нечуя-Левицкого и перечитать их. Тогда станет понятным, почему произведения многих украинских авторов в мире считаются настоящими жемчужинами литературы... Это издание рассказывает не только о творчестве украиноязычных писателей нашей Родины и украинской диаспоры, но и русскоязычных авторов, чья жизнь и творчество связаны с Украиной, например Шолом-Алейхема, М. Булгакова, Б. Чичибабина и других. Особое внимание уделено древнему периоду развития литературы, поскольку именно он не слишком широко освещается в школьных учебниках. Итак, вам предоставляется возможность познакомиться с украинской литературой от ее истоков.

ISBN 978-966-03-5965-9

© Коллектив авторов

© Фолио

Содержание

Слово к читателю	6
Раздел I	8
Несколько слов о былинах	10
Новый взгляд на былинного героя	13
Загадка Алеши Поповича	16
Истинное лицо сказочных персонажей	20
Народные песни и баллады	22
Народные думы	32
Раздел II	36
«Велесова книга»	38
«Поучение детям» Владимира Мономаха и его письмо к Олегу Святославичу	43
«Слово о законе и благодати» митрополита Илариона	48
Летописи XII – XIV веков	50
«Повесть временных лет»	50
Киевская летопись	52
«Слово о полку Игореве»	52
Галицко-Волынская летопись	60
Казацкие летописи	62
Летопись Самовидца	62
Летопись Грабянки	62
Летопись Величко	63
«История Русов»	65
Первые переводы Библии	69
Церковно-историческая литература времен Киевской Руси	72
Кирилл Туровский	72
Игумен Даниил	73
«Киево-Печерский патерик»	73
Пolemическая литература	75
Иван Вышенский – предтеча украинского барокко и совесть своего народа	82
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Література України. Для дітей середнього шкільного віку

Слово к читателю

«У каждого своя доля и свой путь широкий», – писал Т. Г. Шевченко. Только кому-то выпадает счастливая судьба, путь гладкий и ровный, а кто-то должен всю жизнь доказывать миру, что он чего-то стоит. И это касается не только конкретных личностей, но и государств и народов. Так случилось, что судьба украинского народа никогда не была легкой. Легенда называет эту святую землю – колыбель древней культуры – «кусочком рая на земле». И этот рай нашим предкам приходилось веками защищать от разноплеменных завоевателей. Судьба Украины – это золотой луч солнца над седым курганом, и нежные лепестки мальвы под тяжелым копытом татарского коня, и улыбка младенца, и слезы пленников, и героические походы запорожских казаков, и превращение в Малороссию – задворки великой империи. А еще это жестокие репрессии, страшный искусственный голодомор, громкие лозунги имперских деятелей, а также физическое и моральное уничтожение цвета нашей нации.

В мировой истории трудно найти подобное состояние, в котором оказались украинская культура, наука и искусство. И даже живая речь великого народа систематически запрещалась, преследовалась специальными официальными актами! По указам русских царей под запретом оказались украинское книгопечатание, преподавание на национальном языке, спектакли украинских театров. Геноцид Украины длился веками. И после революции новые постановления были направлены на «разоблачение буржуазного национализма» (под которым понимали всю украинскую культуру, язык, историческое и национальное самосознание) и принудительную сплошную русификацию.

Иноземцы упорно, целенаправленно обворовывали, фальсифицировали нашу культуру и историю. И мы уже как-то привыкли к тому, что былины – это жанр русской литературы, деятели «расстрелянного возрождения» – враги народа, а украинский язык, сильно проигрывая в сравнении с русским, – «низкий». Конечно, попытки осмыслить развитие национальной лите-

ратуры как отдельной художественной системы постоянно продолжались, но они долгое время оставались неизвестны широкому кругу читателей. И вот наконец настало время вспомнить, что наша самобытная героическая история уходит в глубину веков, богатейший украинский фольклор ждет своего изучения, оригинальная художественная литература достойна пристального внимания и искреннего восхищения.

В 80-х годах прошлого века украинские исследователи активно взялись за ликвидацию «белых пятен» в духовной генеалогии собственной нации. Но дело это еще далеко до завершения.

Эта книга предлагает общий обзор этапов становления и развития украинской литературы. Страницы энциклопедии помогут вам ознакомиться с жизнью и творчеством тех литераторов, которые стали классиками, и тех, чьи имена на протяжении многих десятилетий были запрещенными, изъятыми из литературы, почти не известными украинскому читателю (за пределами нашей страны произведения этих мастеров слова хорошо знали, любили и неоднократно издавали в переводах).

Книга состоит из шести разделов. Первый из них предлагает вам по-новому взглянуть на творчество наших далеких предков; во втором разделе речь пойдет о литературном наследии стародавних и древних времен, времен Киевской Руси; третий напомним о гениальных художественных достижениях писателей новой эпохи; в четвертом вас ждет знакомство с представителями периода, известного под названием «расстрелянное возрождение», и теми мастерами слова, которые стали классиками украинской диаспоры; пятый раздел посвящен известным и не очень известным именам и фактам из новейшей украинской литературы и в шестом вы кратко познакомитесь с выдающимися писателями, которые родились или долгое время жили в Украине, но являются классиками литературы других народов. А краткий словарь поможет легче сориентироваться в литературоведческой терминологии, используемой в энциклопедии.

Украинская литература на протяжении веков испытала немало тяжелых лишений. Ее путь к нашим сердцам не был устлан лепестками роз. Но она упорно преодолевала все препятствия, направляясь через тернии – к звездам.

Раздел I

Устное народное творчество

Устное народное творчество (фольклор) занимает значительное место среди достижений искусства любого народа. Интересно, что само слово «фольклор» с английского переводится как «народная мудрость». Произведения, оставленные нам нашими далекими предками, рассказывают об их мыслях, переживаниях, мечтах и надеждах; они передают тот опыт, который народ накапливал на протяжении длительного времени. К тому же устное народное творчество является источником сведений об исторических событиях далекого прошлого, о борьбе против угнетателей и поработителей.

Ученые считают, что первые образцы фольклора появились задолго до возникновения письменной литературы. Они создавались в основном при выполнении определенных ритуальных действий, календарных обрядов, во время трудовой деятельности, а несколько позже – в различных развлечениях. Так возникли календарно-обрядовые и трудовые песни. Конечно же, с течением времени люди пытались разгадать тайны окружающего мира, понять природные явления и подчинить их своим потребностям. Наши предки мечтали о победе над болезнями и нищетой, о счастливой, спокойной жизни. И устное народное творчество постепенно обогащалось сказками, преданиями, легендами, пословицами и поговорками.

Сейчас первобытные оригинальные тексты воссоздать уже невозможно. Переходя от одного поколения к другому, произведения народного воображения существенно менялись. Но и их более поздние варианты остаются весьма интересными для нас и достойными уважения за то, что свидетельствуют о богатой духовной жизни наших далеких предков.

Несколько слов о былинах

Украинское народное творчество богато и разнообразно. Одним из древнейших его жанров являются былины. Еще до недавнего времени литературоведы рассматривали их как образцы древних произведений русской литературы. Но, видимо, пришло время вспомнить, что былины начали слагаться еще во времена язычества в Киевской Руси и продолжали развиваться как жанр в течение многих веков. Поэтому эти произведения с полным правом можно считать составной частью истории украинской литературы. Былинный репертуар достаточно разнороден. В нем фигурирует несколько десятков героев – «храбров» (точное их число назвать трудно, потому что некоторые образы раздваиваются и выступают не только под разными именами, но в разных, не похожих друг на друга эпизодах). Количество былин, дошедших до нашего времени, если учитывать их варианты, составляет около сотни текстов. В них хорошо чувствуется наличие определенных слоев, относящихся к различным временным эпохам. Очевидно, известные записи содержат элементы текстов «старого» цикла, составленного задолго до крещения Руси.

По мнению одного из известнейших исследователей былин А. П. Скафтимова, первоначальная недооценка сил богатыря, которая характерна для большинства древних текстов, необходима для большего торжества «храбра» позднее. Но дело не только в этом. Тем самым былина проводит мысль о том, что в определенных обстоятельствах (особенно если возникает угроза для родной земли) стать богатырем, осуществить великий подвиг может самый обыкновенный человек...

Довольно выразительно среди былин обособлены определенные локальные группы – киевские, новгородские, галицко-волынские, хотя существуют и поэмы нейтральные, которые имеют более-менее очевидную связь с князем Владимиром и Киевом или же никак с ними не связаны. Специалисты неоднократно делали попытки поделить известный былинный материал на отдельные группы по темам. Каждая из них так или иначе связана с несколькими популярными героями. Такие группы былин создают в киевском цикле свои подгруппы. Это тексты, события которых касаются:

- Вольги (Олега) Святославича или Всеславича;
- Добрыни, Владимирова опекуна (в былинах – племянника);
- Ильи, известного в старых германских преданиях как брата Владимира; Тидрек-сага (середина XIII в.) вообще почему-то называет этого храбра «ярлом» (властителем) Греции;
- Алешу Поповича, поскольку его подвиги тесно переплетены с рассказами о поступках Добрыни и Ильи.

Считается, что былинный цикл Вольги сложился на основе эпических преданий, связанных с Вещим Олегом и княгиней Ольгой. Но эти тексты составляют не очень удачную комбинацию интересных отдельных песен (былина о Вольге-волхве, чудодее, ловце-оборотне, рождение которого сопровождалось различными чудесами) и поздних шаблонных богатырских рассказов об охоте Вольги, его встрече с Микулой и походе Вольги на Индийское царство. Произведения «старого» и «нового» циклов очень разнятся между собой. Поэмы о Волхве-оборотне, Вольге-победителе, о встрече Вольги с Микулой когда-то пытались объединить образом странствующего князя, который путешествует во главе своей дружины. Правда, при этом как-то неуместно звучат предыдущие упоминания о чудесных талантах «храбра» и о переполохе, который поднялся в связи с его рождением. Ведь крестьянин-великан, хлебороб Микула изображен как персонаж, перед которым становятся смешными и мизерными сила и претензии авантюриста-князя и его дружины. Считается, что в образе Вольги здесь выведен послед-

ний древлянський князь Олег Святославич, який напрасно погіб в междоусобиці со своїм братом Ярополком. Однак можливо, що цей розказ має основою більш давню мовну історію об Олезі, блискучим представителем киевської дружини, «пристыженном» во время зустрічі з другою силою – силою землі.

Вероятнее всего, когда-то Добрыня стоял в центре Владимирового цикла. Он должен был олицетворять лучшие черты тогдашнего киевского аристократизма. Так же, как и Вольгу, его называют племянником Владимира, а родился он в «княженицком» доме. Конечно, Добрыня получал соответствующие своему высокому положению воспитание и образование. В этом с Добрыней не может сравниться никто из богатырей.

Параллельный вариант делает его, однако, сыном богатого гостя рязанского (то есть купца). Возможно, это отголосок былин XIII века. Прозвище Добрыни – Никитич – считают вторым именем богатыря – «Аникит», то есть непобедимый. Такое толкование достаточно убедительно, поскольку с Добрыней связано множество элементов христианской легенды о змеборстве. В некоторых вариантах былин этого «храбра» действительно называют Никитой. Кроме того, в одном из них змей прямо вспоминает, что святые отцы и волхвы предвещали ему, змею, смерть от руки Добрыни. Но в «старом» цикле Добрыня, скорее всего, имел несколько другой склад характера и выполнял менее героические задачи. По крайней мере, существует текст, в котором богатырь жалуется матери. Добрыня сетует на судьбу и говорит, что лучше бы его при рождении бросили в воду, чтобы «не сиротил он малых детушек, не оставлял плакать вдовиц, не проливал крови невинной».

Вольга с дружиной. Иллюстрация И. Билибина к былине «Вольга»

Значительную роль в былинах играют диалоги, которые драматизируют сюжет, помогают лучше охарактеризовать героев, раскрыть их мысли и переживания. Не менее важен для древнего эпоса также прием повтора отдельных эпизодов, оборотов в речи героев. Чаще всего встречаются троекратные повторы. С ними, кстати, тесно связаны так называемые «общие места» – устойчивые словесные формулы, которые почти дословно повторяются в одной или разных былинах в похожих эпизодах или картинах описания различными рассказчиками. Такие «общие места» облегчали создание былин: автор в некоторых случаях не создавал текст заново, а

пользовался готовыми формулами, которые выполняли в былинах важные идейно-художественные функции. Чаще всего они использовались при изображениях пиршества у князя Владимира или враждебных сил, в описании боев, в высказывании угроз врагами.

Роль Ильи не совсем ясна. Что было связано с Муромцем в старом киевском эпосе, точно не известно: может, в его функции входила борьба со Степью (застава), а может, – прокладывание дорог. Ясно только то, что он в конце концов стал «универсальным наследником» старых героев и впоследствии «собрал» вокруг себя различные эпические темы киевского цикла.

В древности слагались рассказы о славных богатырях-храбрах, которые защищали родную землю от захватчиков и всяческой нечисти. Сейчас былины кажутся нам одним из вариантов такого литературного жанра как сказка. А взрослые тоже любят сказки. Ученые-лингвисты, литературоведы, историки ищут истоки этих сказочных сюжетов, прообразы знакомых с детства персонажей. И тогда к нам возвращаются забытые имена, мы снова пытаемся осмыслить давно минувшие события и ситуации. А еще – сопоставить образцы творчества многих народов и найти не только общие корни, но и понять, кем же были на самом деле наши любимые герои.

Новый взгляд на былинного героя

Былинный богатырь Илья Муромец не нуждается в рекомендации. А вот о герое древнего Шумера по имени Гильгамеш, который жил в начале XXVI века до нашей эры, известно, пожалуй, только знатокам мифологии и ценителям литературы древнего Востока. Исходя из некоторых свидетельств, дошедших до нашего времени, он был реальным лицом, правителем шумерского города Урука. Правителем Гильгамеш оказался, наверное, незаурядным, потому что после смерти его нарекли богом. Но по прошествии веков реальность становится мифом. А согласно мифу, отцом Гильгамеша был демон, а матерью – богиня Нинсун. Как и Илье Муромцу, Гильгамешу выпало много удивительных приключений. А самое необычное из них не зафиксировано ни в одном сказании. Это было путешествие во времени и пространстве, которое закончилась... в земле славянской.

Поединок как средство найти брата

Начнем с того полного драматизма дня, когда доведенные до отчаяния жители Урука обратились к небу о помощи. Властелин города Гильгамеш довел их своим поведением до полного обнищания. Уступая мольбам людей, боги сказали Нинсун: «Ты создала сына, и нет ему равных. Жестокий Гильгамеш не дает никому жить в покое и радости!» И тогда богиня создала двойника-антипода для своевольного сына – дикого волосатого человека Энкиду, который не уступал Гильгамешу силой и отвагой. Нинсун надеялась, что теперь оба богатыря померяются силой друг с другом, а жители Урука смогут наконец-то спокойно заниматься своими делами.

Сначала Энкиду жил в степи, в окружении диких зверей, которых очень любил и защищал от охотников. Но люди, потеряв возможность охотиться, поклонились Гильгамешу и попросили, чтобы он нашел управу на могучего «дикаря». Владыка Урука был хоть и беспоконного нрава, но разум имел светлый. Он решил, что лучший способ нейтрализовать дикого человека – это приобщить его к цивилизации, преодолеть же противника поможет наиболее коварное и действующее оружие – соблазн.

Надежда богов оправдалась: братья сошлись в противоборстве. Энкиду не устоял, поскольку потерял часть силы, стал чужим для животных, которые покинули богатыря. На это и рассчитывал Гильгамеш. Опыт и хитрость все же помогли ему одержать победу. Но «дикарь» почему-то не затаил обиду и не желал отомстить. Наоборот, с того времени он стал верным

службой брата. Так в реальності сбылись сны Гильгамеша, в которых он находил преданного друга.

Гильгамеш

А теперь перенесемся к Белому морю. Здесь, в Карелии, 78-летняя А. Т. Бурая рассказала специалистам необычную и очень древнюю легенду. Она поразила исследователей так, как мог бы поразить неожиданный восход второго Солнца над нашей Землей.

Странные совпадения

Очень давно появился в славянских степях богатырь-пришелец. Был он похож на большую гору (сравнение типично шумерское). На правом плече чужеземца сидел сокол, а у гривы коня примостилась змея. Можно ярче обрисовать портрет человека, который дружит с дикими

зверями? Пришелец хвастался, что возьмет в плен Киев. Испугались местные богатыри его дикой силы (ситуация такая же, как и с воинами Гильгамеша). Только один воин бросил вызов пришельцу, очень похожему на «дикаря» Энкиду. Звали этого храбра Илья Муромец. Как и Гильгамеш, он после победы узнал, что дрался с собственным братом, хотя и двоюродным. Дальше опять переключка с шумерским источником: брат-пришелец становится верным спутником Ильи Муромца.

Такие впечатляющие совпадения не имеют аналогов в других былинных сюжетах. И в этом следует разобраться.

Гильгамеш – Муромец

Даже имена героя древних былин и персонажа шумерского эпоса созвучны: Гильга – Илья. Исследователям древней культуры известно, что иностранное имя часто приспособливается к местному, привычному на слух произношению. Если в этом случае совпадение неполное, то лишь потому, что в устной народной традиции произошла привязка имени героя к Мурому, хорошо известному рассказчикам и слушателям. Но название этого города также не было случайным. Дело в том, что при введении в Киевской Руси христианства и массового крещения граждан языческие имена в древних сказаниях меняли на новые, православные. Нередко для этого использовали имена по-настоящему знаменитых людей более позднего времени, которые, как казалось нашим предкам, были достойны того, чтобы остаться в памяти потомков как герои. Так произошло и с Ильей. Именно в Муроме жил человек, известный своими добрыми делами и воинской доблестью. По преданию, молодой парень долгое время не ходил, пока к его порогу не пришли странствующие монахи, которые, собственно, и вылечили его. Тогда вчерашний калека стал ратником князя, верой и правдой служил родной земле, а впоследствии принял монашеский сан. Много лет спустя Илья умер, и его похоронили в киевских пещерах. После этого возле тела героя начали происходить внезапные исцеления, которые можно было объяснить разве что чудом. Тогда человека, который поделился собственным именем с былинным богатырем, канонизировали (внесли в список национальных святых). В печерских гравюрах, которые сделал в 50-х годах XVII века для издания «Патерика» известный печерский гравёр, есть образок Ильи Муромца. Святой показан в виде аскета-старца, обнаженным, прикрытым только плащом, с поднятыми вверх руками. Ни одна примета не указывает на то, что изображен богатырь. Надпись под образком свидетельствует, что это – «Преподобный Илья Муромец, который вселился в пещеру преподобного Антония в Киеве и до сих пор там пребывает нетленным». А вот московский священник Иван Лукьянов, который посетил Киев в 1701 году, наоборот, рисует Илью как «воина»: «Видели мы храброго воина Илью Муромца: ростом – как нынешние высокие люди; левая рука его пробита копьем, рану всю знати, а правая рука сложена для крещения». Итак, богатырь получил имя от бывшего дружинника, который впоследствии стал монахом.

Но если предположения относительно того, что былины об Илье складывались на основе древних шумерских переводов правильные, то у обеих персонажей должен быть общий главный враг.

Почему Соловей – разбойник?

В шумерском эпосе, посвященном владыке Урука, есть рассказ о битве героя и его войска с охранником Кедрового леса Хувавой. Этого своевольного персонажа защищал не кто-нибудь, а сам бог Энлиль. Сила Хувавы – в его голосе. Дыхание его подобно буре. Сражаясь с ним, спутники Гильгамеша рубят лес. Но ветви деревьев, которые ломают воины, оказываются руками самого Хувавы.

В Киевской Руси кедров не было. Хувава должен был поселиться здесь среди других деревьев, таких же мощных и магических. К примеру, среди дубов. А кто в древних сказках сидел на тридевяти дубах? Конечно же, Соловей-разбойник. Но странно вот что: почему это свою любимую певчую птицу наши предки наделили грозным и жестоким нравом, а от свиста его замирает все живое?

Может, изначально имелась в виду совсем не «серая птица»? Может, Хувава стал сначала Сувавою, а затем близким и понятным Соловьем? И участь его такая же, как и у Хувавы: Илья-богатырь поражает разбойника в правый глаз, а потом рубит на куски и сжигает.

Не о сказке, а о действительности

Казалось бы, что страшного в свисте? Вот так напугали предки! Или, может, богатыри у них были какими-то слабыми и нервными? Но вот оно что! Недаром древние авторы наделили разбойника именно таким «нетипичным» оружием. Известно, что в глубокой древности свист использовался для передачи сообщений на большое расстояние. До нашего времени это умение сохранили жители некоторых местностей на Канарах, в Испании, в Восточной Турции и на Кавказе. Сообщения, переданные с помощью свиста, слышно на расстоянии шести-семи километров. Исследователи отметили, что в этом случае находится возле источника сигнала очень опасно, ибо сила его такова, что вызывает травмы мозга.

И все же...

И все-таки совпадение останется лишь совпадением, хотя и значимым, если мы не сможем ответить на два важных вопроса: почему богатырь-пришелец угрожал захватить Киев и как из Шумера он попал в наши степи?

В старинном издании «Ядро российской истории» сказано, что в давние времена часть славянских народов называли мосхами (мосохами, мосехами, мосинками или мосенами). Так вот, античный историк Ксенофонт (около 430–355 гг. до н. э.) писал о мосинках, которые владели искусством свиста. Их родина расположена неподалеку от северных рубежей Шумера. А теперь вспомним важную деталь: Соловей дежурил на дороге, ведущей на Киев. Мосхи же держали «под контролем» путь из Ассирии и бывшего Шумера на запад, в малоазийскую страну Куе. И Киев, и Куе переводятся как «царство», «царьград».

В I тысячелетии до н. э. царь Куе отказался платить дань Ассирии и начал тайную переписку с правителем враждующего с ней государства Урарту. Письма эти шли именно через земли мосхов. Их правитель Мыта перехватил опасные послания. Недолго оставалось жить царю Куе: о нем больше нигде не упоминается. Судьба же мосхов и их господина драматична. Мыта покинул свое царство. А мосхи были рассеяны – историки до сих пор спорят о том, куда направились представители этого народа. Возможно, что часть их поселилась где-то на берегах Оки.

Действительно, нет сказки, в которой не было бы хоть немного правды.

Загадка Алеши Поповича

Один из самых любимых героев древних былин – Алеша Попович. Пожалуй, нет такого человека, который бы не знал о его подвигах. Однако далеко не все знакомы с историей возникновения этого образа, который воспринимается читателями как сказочный. Наша задача – вернуть «историчность», реальность герою древних былин.

Исследователи-литературоведы поставили перед собой цель найти реальные прототипы героев былин. Большая и кропотливая работа завершилась успешно: были выяснены «паспортные данные» хитрого как лис, умного и сообразительного богатыря Алеши Поповича.

Трудности возникли уже в начале исследования. Ученые предположили, что древние тексты сохранили реальное имя человека, который стал прообразом знаменитого богатыря. Итак, искали в летописях упоминания именно об Алексее, сыне попа (Поповиче).

Поиски долго не давали результата. Однако нашлись документы, которые рассказывали об очень похожих на действия былинного героя приключениях. Связаны они были с определенной исторической личностью – дружинником киевского князя Александром.

Сначала такое сходство ратных подвигов двух человек просто удивило. Позже выяснилось еще одно: Александр имел прозвище Попович, потому что был сыном священника. Итак, прототип найден? Но почему Александр? Начались лингвистические поиски, которые и прояснили ситуацию: оказалось, что во времена Киевской Руси «Алеша» был сокращенным вариантом не только от имени Алексей, но и Александр.

Казалось бы, дело решено. Но опять встал вопрос: почему много подвигов Александра в поэтической обработке было перенесено в былинку, а часть походов Алеши Поповича в летописях не отражена? Да и время, когда происходили события, неумолимо констатировало: славный дружинник не мог осуществить все эти героические дела, потому что... многие из них стали историей задолго до его рождения. Но документальное подтверждение древних подвигов тоже нашлось. Вот только они связаны с другим человеком, кстати, тоже дружинником князя, – Ольвигом Ратиборичем.

Три богатыря. Худ. В. Васнецов

Почему же получилось так, что исторически большая часть героических поступков принадлежала одному человеку, а имя героя народного эпоса – другому? В чем причина такого недоразумения?

Ответ на этот вопрос помогли найти данные из истории времен Киевской Руси. Известно, что когда князь киевский Владимир ввел христианство в своем государстве, началась борьба со всеми признаками политеизма, с идолопоклонством и древними «нечестивыми» обычаями.

Длилась она долго, и некоторые результаты противоборства православных и языческих традиций мы видим даже в наши дни. Примером может быть ежегодное празднование седьмого июля праздника Ивана Купалы, а также праздники Сретения, Масленицы и многие другие, которые отмечали наши далекие предки в дохристианские времена. После официального введения новой веры запретить празднование таких дат было сложно, так решили подождать древние праздники к новым, православным. Именно поэтому много обычаев и обрядов нашего народа имеют в себе определенный «привкус» язычества (как, например, обычай колядовать на Рождество, щедровать на Новый год или прыгать через костер и пускать венки на воду на праздник Ивана Купалы).

Другим признаком введения христианства в Киевской Руси стало то, что новые имена, которые пришли к нам вместе с новой религией из Византии, постепенно вытесняли из обихода языческие. Довольно часто люди в то время имели по два имени – одно «бытовое», привычное, а второе – данное при крещении. Древние имена с течением времени исчезали, уступая место новым. Видимо, самыми «живучими» из них оказались дохристианские «Славы»: Вячеслав, Ярослав, Святослав, Мирослав, Мстислав, а также Всеволод – они и сейчас очень распространены. Для того же, чтобы этот процесс ускорить, князь приказал заменить в древних сказаниях языческие имена на православные. Наверное, Александр, княжеский дружинник, сын священника, хитрюга и сорвиголова, человек мудрый и отважный, больше подошел для этой цели. Так, древний рыцарь герой опозитизированных рассказов о ратных подвигах славян, любимец рассказчиков Ольвиг Ратиборич ушел в небытие, уступив место Алеше Поповичу... Эта литературно-историческая путаница продолжалась почти тысячу лет, пока кое-кому из ученых не захотелось выяснить настоящую «биографию» персонажей, которых считали вымышленными, сказочными. Такая теперь посмертная судьба обоих героев: быть всегда вместе, сплестись в образе знаменитого богатыря, защитника родной земли, спасителя от всякой напасти. Им не суждено быть забытыми далекими потомками, хоть имя одного из богатырей-храбров стало известно нам совсем недавно.

Древнерусский воин. Худ. И. Билибин

Истинное лицо сказочных персонажей

Идолище поганое

Древние произведения народной мысли имеют один существенный признак: они так тесно связаны с историей, так пронизаны ею, что почти каждое произведение эпического характера можно рассматривать как древнее свидетельство историчности описанных событий.

Когда речь шла о богатырях, понять направленность поисков ученых было значительно легче, чем в ситуации, о которой речь пойдет дальше.

Казалось бы, вряд ли можно воспринимать такой персонаж, как Идолище поганое, с точки зрения реальности этого лица. Однако и вероятность того, что найдется исторический прототип образа Соловья-разбойника, была не больше, чем здесь. И снова начались длительные поиски ученых. Реальные события, описанные в древних документах и летописях тех времен, встретились почти сразу. Вот что выяснили специалисты. Рассказ о позорной гибели омерзительного персонажа древней былины, Идолища, является документальным свидетельством незаурядного дипломатического и политического инцидента.

...Внешность посла кочевников у древних славян, с которыми на протяжении долгого времени шли кровавые споры, действительно была не очень привлекательной (по крайней мере таким он изображен в древних исторических документах): невысокого роста, толстый, с приплюснутым лицом, в очень яркой одежде, увешанной драгоценностями, кровожадный, надменный... Он напоминал нашим предкам изображения древних языческих идолов. Вспомним, что вряд ли кто-нибудь из славян мог поблагодарить хищных кочевников за тот беспорядок и ужас, который они вносили в их жизнь. Кроме того, имена представителей монголоидной расы были непонятны для наших предков, часто возникала необходимость приспособлять иностранное имя к местному произношению, немного изменять его. А этот посланник своим внешним видом так поразил летописца, что тот даже и не стал прибегать к приемам лингвистической адаптации чужого имени, сразу же «окрестив» посланника Идолищем.

Конечно, представитель-иноверец, чьи руки по локоть в крови славян, пренебрегающий местными порядками, не уважающий верований и обычаев государства, в которое прибыл с поручением, не может вызвать положительных эмоций. Но убийство посланника – дело нештучное. Почему же человека, который посягнул на неприкосновенность дипломатического лица, ждал не гнев князя и не страшная кара, а почитание как героя?

Для ответа на этот вопрос снова нужно обратиться к истории. «Большая хитрость коварная» Идолища, отраженная в летописи, не вызывает сочувствия к нему. Посланец приехал, конечно, не один, а с огромной свитой, большинство в которой составляли женщины. После появления Идолища на окраинах города начались внезапные, очень жестокие нападения чужаков после захода солнца на местное население. Пылали дома, гибли люди и скот, а с первыми лучами солнца языческая орда исчезала, словно проваливаясь в ад.

Дружинники князя начали следить за не вызывающим особого доверия посланником. И выяснилось вот что. Женщины, прибывшие в город вместе с «дипломатом», оказались переодетыми молодыми мужчинами. После захода солнца они доставали мужскую одежду, брали оружие и совершали погромы. А перед самым рассветом возвращались к своим палаткам и снова превращались в молодых и молчаливых, словно призраки, женщин.

Уличив коварство посланника, дружинники князя наказали чужеземца, лишив его жизни. И не помогла ему дипломатическая неприкосновенность. Ибо принцип «Тот, кто поднял оружие, от него и погибнет» – давний и справедливый.

Тугарин Змеевич – вариант распространенного сказочного персонажа

Если рассказ об Идолище поганом оставлял ощущение нереальности, то что же можно сказать о попытках найти прототип злого летучего змея, который забирал в плен или просто съедал людей, – Тугарина Змеевича? Пожалуй, легче согласиться с тем, что наши далекие предки якобы застали еще остатки мира динозавров и видели воочию птеродактилей, чем принять на веру тот факт, что какую-то определенную историческую личность народная фантазия воплотила в такой ужасный образ. Но ведь до сих пор былины рассказывали нам именно о реальных лицах.

Ученые обратили внимание на то, что в древних былинах Тугарин Змеевич имеет только одну голову, а три головы появляются у него лишь в более поздних вариантах. (Кстати, многоголовые монстры в украинском фольклоре – явление не очень распространенное; драконоподобные змеи с количеством «макитр» от трех до двадцати четырех встречаются разве что в сказках Гуцульщины.) Само же имя было каким-то странным, имело чуть иностранный оттенок и ассоциировалось с корнями некоторых восточных языков.

Продолжительная работа над древними текстами и историческими документами снова дала положительный результат, и сегодня мы можем познакомиться еще с некоторыми лицами, освобожденными из тысячелетнего сказочного плена.

На протяжении долгого времени нападения кочевников на земли Киевской Руси возглавлял жестокий, умный и волевой человек – хан Шарукан (он, кстати, был зятем одного из тогдашних князей). Имя его переводится на старославянский язык, как Змей. Изображение страшного змея, постоянно сопровождавшее хана, стало неотделимы от его личности. А дальше – как в сказке: у хозяина было три сына, которые впоследствии заняли место отца во главе кровавых набегов на славянские земли. Наследники хана достаточно слаженно руководили походами, признавая ведущую роль старшего из них, Тугор-Хана. Братья звались Шаруканидами (в переводе – Змеевичами). Дальше надо вспомнить об изменениях, которым подвергались иностранные имена, «подгоняясь» под местное произношение.

Согласно законам лингвистической адаптации, Тугор-Хан сначала превратился в Тугоркана, а тот, в свою очередь, стал Тугарином. Последнее изменение произошло из-за того, что в древности в старославянском языке действовал закон открытого слога, поэтому имя Тугоркан было очень тяжелым в произношении для представителей славяноязычных народов. А относительно Змеевича было уже совершенно ясно: если отец Шарукан (Змей), то сын его никем иным просто и быть не может! Количество же голов изменилось с течением времени: когда руководил походами хан Шарукан, персонаж былин имел имя Змей, а еще – соответствующий вид и одну голову. Впоследствии, когда сыновья заменили отца во главе походов, количество голов увеличилось до трех (соответственно количеству братьев), а собственное имя образовалось от имени одного из них, претерпев определенную лингвистическую адаптацию. Так, руководитель кровавых набегов кочевников на земли Киевской Руси и его сыновья на тысячу лет превратились силой народного воображения в страшное фантастическое чудовище – трехглавого змея, который забирал в плен людей. Как видим, даже здесь имеются указания на возможное происхождение этого персонажа, потому что кочевники занимались перепродажей живого товара – пленников, захваченных во время набегов на славянские земли.

Народные песни и баллады

Среди жанров устного народного творчества одно из главных мест отводится песне. Именно она приобрела большую популярность у народов мира. Песня стала, пожалуй, самым весомым вкладом каждой нации в международную духовную сокровищницу.

Интересно, что впервые об удивительной поэтичности, мелодичности, красоте и высоком художественном уровне украинской песни заговорили не представители нашего народа, а иностранцы. Видимо, так случилось из-за того, что для самих украинцев их искусство было естественным, обычным. Песня стала неотъемлемой составной частью жизни, и никто даже не задумывался над тем, какое место она может занять в мировой культуре. А вот гости Украины и путешественники – независимо от того, были ли они друзьями или врагами – выражали искреннее удивление и восхищение красотой наших песен.

Древнейшее документальное упоминание иностранного автора об этом жанре народного творчества наших предков датируется XV веком. Оставил его посол Венецианской республики Амвросий Контарини. В 1473 году он совершил поездку в Персию. Путь посла пролегал через территорию Украины. Контарини с удивлением констатировал в своих путевых записях, что в Киеве во время его официального приема у князя пели замечательные песни.

Популярность в Украине именно жанра песни не случайна. В нем – вся жизнь человека: от колыбели до проводов в последний путь наших предков сопровождало пение, которое отражало особенно яркие и болевые минуты существования. «Песня в Малороссии – все: и поэзия, и история, и родительская могила», – писал Н. В. Гоголь.

Наши ближайшие соседи – поляки – тоже высоко ценили украинские песни и их исполнителей. Короли и воеводы Польши держали при себе наших соотечественников – певцов и бандуристов. Известно, что они жили при дворе Ягайло и Ядвиги (XIV в.), а также их преемников Зигмунта I и Яна Собеского (XVII ст.). У последнего много лет жил kobzarь Весоловский, получивший звание почетного королевского певца. Отрывки из украинских народных песен часто встречаются также в письмах вельмож того времени; этот жанр имел немалое влияние на развитие польской летописной, исторической и художественной литературы XVI – XVII веков. Ему охотно подражали, ради песни поляки изучали украинский язык и сами создавали стихи в подражание народным.

Очень внимательно и бережно отнеслись к украинскому фольклору немцы. Древнейшие записи наших народных песен, сделанные ими, относятся к XVI веку. Кстати, именно немецкие исследователи первыми в Западной Европе начали переводить произведения наших предков. «Нет в мире такой страны, – писал один из самых известных специалистов в этой области, Боденштедт, – где бы древо народной поэзии дало такой роскошный плод, нигде дух народный так живо, так хорошо себя не проявил в своих песнях, как в украинских. Какое глубокое, действительно человеческое чувство, какая тоска, охватывающая всю душу, отразилась в тех песнях! Сколько ласки, соединенной с мужественной силой, пробивается в песнях о любви! Там вместе выступают и такт, и застенчивость чувств, что царит у них всюду... К тому же украинский язык для поэзии среди всех славянских – самый подходящий».

В середине XVII века песни нашего народа приобрели значительную популярность также во Франции. Известна характеристика, которую дал произведениям этого жанра знаменитый инженер Г. де Боплан, который долгое время жил и работал в Украине. Именно он подробно описал свадебный обряд наших предков и подчеркнул одну деталь, которая особенно удивила его: «Эта нация поет, плача...» Тогда же украинская песня дошла и до Англии. Писатели

Туманного Альбиона дали высокую оценку этим народным произведениям, а их отдельные мотивы использовали в своей драматургии.

Обычно произведения народной лирики разделяют на три разновидности. Во-первых, это календарно-обрядовые песни, к которым относятся колядки, щедровки, веснянки и жатвенные песни. Во-вторых, семейно-бытовые: песни о любви, семейной жизни, шуточные и колыбельные. Наконец, третьим вариантом являются социально-бытовые песни: казацкие, чумацкие, бурлацкие, рекрутские и батрацкие. Отдельный раздел составляют так называемые исторические песни. Все они имеют общую характерную особенность: четко очерченный мотив справедливости, стремление к общественной и личной свободе, протест против порабощения. Эта черта украинской народной поэзии делает ее особенно привлекательной, наделяет высокой моральной красотой.

Кобзари. Начало XX в.

Обрядовые песни помогают понять, как наши соотечественники относились в прошлом к природе и ее явлениям. Это – древнейшие образцы народного творчества. Они являются осколками древней целостной и немного наивной системы мировосприятия первобытного человека. Здесь можно найти космогонические верования тех далеких времен, взгляды человека на начало мира, богов и других высших существ, на таинственные явления природы, которые так хотелось разгадать. Много пережитков древних языческих времен содержат эти тексты, являющиеся свидетелями того «двоеверия», которое возникло в Украине в период установления христианства на руинах более древнего мировоззрения. Кроме того, обрядовые песни хранят информацию о быте и материальной культуре старых времен. Например, в веснянках мы можем услышать о начале мира, о боге Громовержце, о борьбе темных сил со светлыми или зимы с летом. В купальских песнях чувствуется отголосок традиций чествования солнца. Отражение в песнях старого культа и старых обычаев, того далекого заколдованного мира, в котором существовали удивительные космогонические и мифологические представления,

детали древнего быта и мировоззрения, является богатым материалом для исследования истории первобытной культуры.

Особой формой песен являются произведения-описания, где эмоционально-лирическое содержание выражено символическими образами.

Более простой и наиболее распространенной формой композиции традиционной лирической песни является форма монолога. Песня-монолог больше всего соответствует такому жанру поэзии, как лирика. Она является основным способом прямого, непосредственного выражения мыслей и чувств лирического героя.

Менее распространенная форма – песня-диалог. Она получила широкое использование в хороводных лирических произведениях, а также иногда встречается в семейно-бытовых песнях и произведениях о любви.

Семейно-бытовые песни воспроизводят беды, радости и надежды, которые были составной частью жизни каждого человека. Они дают возможность познакомиться с моральным кодексом наших предков, оценить их ум, находчивость, умение тонко ощущать красоту человеческих чувств, трогательное отношение к семье, к своей земле. Эти песни очень мелодичные, пронизанные чувством тонкой красоты.

Семейная жизнь, как и вообще род-семья, лучше всего описана в народных произведениях. В необычайно ярких формах и образах воплощены в фольклоре высокие чувства, пылкая любовь, муки и радости, разлука со своим родом, жизнь-страдание с нелюбимым или пьяницей, горькое сиротство, предательство. Кстати, в народных песнях отчетливо звучит мысль о том, что началом и причиной любого бедствия для человека является измена своему роду, потому что если нарушается основная форма общественного сообщества, то ждать можно чего угодно:

Тим на світі хліб не родить,
Що брат к сестрі не говорить;
Тим на світі теряється,
Що брат сестри цурається;
Тим на світі добра нема,
Що брат сестри за рід нема.

Семейным песням присуще особое благоговейное отношение к матери, неизменное с древнейших времен: «матушка родная лучше всего света», «только в мире и правды, что родная мать». Уважение к родителям, уважительное отношение к старшим – неотъемлемая составляющая правил морали наших предков. «Отцова и пани-матчина молитва со дна моря вынимает» – утверждает казацкая песня. А тягчайшим грехом считалось нарушение этого обычая. Например, в одной колядке Матерь Божья просит у Христа райские ключи – открыть рай и ад, выпустить грешные души. Одной только душе нет прощения – той,

Що отця з матір'ю та налаяла,
Не налаяла, а подумала.

Трогательная, особая чистота чувств характерна также для песен о любви. Она придает чрезвычайно глубокое этическое звучание украинской народной бытовой поэзии.

Несмотря на тяжелую жизнь, украинцы никогда не теряли чувства юмора и много внимания уделяли шуточным песням. Здесь можно найти все проявления смеха: шутку, остроту, добродушный юмор, иронию, едкие насмешки. Такие произведения создавались для того,

чтобы утешить слушателей, развеять тяжелые мысли, заставить их на время позабыть обо всех жизненных невзгодах. «Ой, під вишнею», «Та орав мужик край дороги», «Грицю, Грицю, до роботи» звучат и в наше время как наиболее удачные образцы песен этого жанра.

Кстати, автором последнего произведения считается девушка-легенда Маруся Чурай. Так оно или нет – ни один из исследователей сказать не может, потому что все документальные свидетельства уничтожил большой пожар. Однако сегодня известно более двух десятков песен, которые якобы создала эта народная поэтесса. Среди них – шуточные, казацкие походные, колыбельные, печальные о любви и т. п. Скорее всего, таких текстов сохранилось значительно больше, однако, их считают народными.

Маруся – дочь урядника полтавского казачьего полка Гордея Чурая, который не выдержал издевательства со стороны шляхтича, зарубил обидчика и отправился на Сечь. После того как казаки потерпели поражение под Кумейками, попавшего в плен Чурая привезли в Варшаву и там казнили. Его жена Аграфена сама вырастила дочь, слава о красоте и таланте которой ширилась по всей Украине. Но девушке не суждено было стать счастливой. Ее избранник Грыць был красивым парнем, но с ущербной душой. Он предал Марусю и посмеялся над ее искренним чувством. Чураивна тяжело переживала обиду; однажды, встретив любимого на вечеринке с другой девушкой, она решила... отравить его. Преступление было совершено – Марусю приговорили к смертной казни. На площади собралось много народа, писарь уже читал приговор, когда в толпу ворвался молодой казак верхом на лошади. Это был боевой побратим предателя, Иван Искра, который искренне любил Марусю. Искра привез указ Богдана Хмельницкого, в котором говорилось: «Никто в здравом уме не губит того, кого верно любит. Поэтому жизнь погибшего героя Гордея Чурая зачесть за жизнь его дочери Маруси...»

Маруся Чурай

Казацкие и стрелецкие песни – отдельная страница народного творчества. «Повіяв вітер степовий», «Ой та зажурилися стрільці січові», «Розлилися круті бережечки», «Ой у лузі червона калина» пережили не одно столетие, дойдя до нас как образец щемящей любви к своей родине, несокрушимой силы, веры в светлое будущее. Последняя из упомянутых песен вообще стала своеобразным национальным гимном сечевых стрельцов. Своими корнями она уходит в далекое прошлое; этот текст может восприниматься как четкое изложение программы украинских степных рыцарей. Знаменитые строки песни передают неистребимое желание видеть свою землю счастливой:

Ой у лузі червона калина похилилася,
Чогось наша славна Україна зажурилася,
А ми тую червону калину підіймемо,
А ми нашу славну Україну розвеселимо.

Исторические песни являются прекрасной иллюстрацией к страницам истории украинского народа. Они помогают понять, как воспринимали наши соотечественники то или иное событие, которое имело место в далеком прошлом. Древнейшие произведения этого цикла описывают борьбу с мусульманским миром, хоть и не привязывают еще свое содержание к определенным историческим событиям. Возьмем, к примеру, описание татарского нашествия:

Зажурилась Україна, що нігде прожити;
Гей витоптала орда кіньми маленькі діти;
Ой маленьких витоптала, великих забрала,
Назад руки постягала, під хана погнала.

Многие тексты рассказывают также о судьбе несчастных пленников, об их бедственном существовании на чужбине, об издевательствах над ними жестоких хозяев и о тяжелом безрадостном труде. Неудивительно, что такие мотивы встречаются едва ли не чаще других: в то время мало какая семья не тосковала о ком-то из своих родных, попавших в неволю. «Плачи невольничские» чрезвычайно остро передают муки «на каторге турецкой», а заканчиваются таким вдохновенным проклятием-молитвой, что даже сейчас читать жутко. Слушая ее, не трудно себе представить, чем была для наших людей неволя и какой болью звучала эта беда в сердцах украинцев.

Другие песни повествуют о мольбах пленников к своей семье выкупить их из плена или рассказывают об освобождении товарищами или счастливом побеге. Но даже описывая тяжелые испытания, песни представляют слушателям высокие образцы терпения и моральной силы, которая помогает не покориться обстоятельствам, сохранить самоуважение. Ярким примером таких произведений может быть известная песня о Байде.

Конечно, вытерпеть муки рабского существования мог не каждый. Случалось и так, что люди изменяли вере, шли на предательство, только бы избежать невыносимых мук. Песни дают выразительный портрет такого «потурнака»¹, предостерегают от повторения его поступка.

До нашего времени дошло большое количество так называемых социально-бытовых песен, представляющих особенности жизни различных слоев общества, характерные для каждого из них проблемы и желания.

Своеобразным жанром украинской лирики являются чумацкие песни. Путь чумаков пролегал безводными южными степями к Черному и Азовскому морям; он был тяжелым и опасным: путникам угрожали болезни, разные беды, смерть от разбойников. Отправляясь в такую дальнюю дорогу, человек не мог быть уверен в том, что вернется домой, поэтому чумаки всегда брали с собой горстку земли со своего двора. Ее хранили на груди, чтобы в случае смерти быть похороненными в родной земле... Хотя такие тексты рассказывают о горе и бесталанности, они, как это ни странно, полны оптимизма. Чумаки не позволяют себе скулить по поводу превратностей судьбы. Наоборот, он не горюет, а смеется над ней и не теряет надежды на лучшее.

¹ *Потурнак* – человек, уподобившийся туркам, принявший ислам.

Казак-победитель. Худ. Т. Калинин

Невыразимо тяжелое ярмо барщины, жестокое отношение к людям помещиков-самодуров, ужасная перспектива смерти или постепенного привыкания к неволе – все эти мотивы мы слышим в фольклорных произведениях. Однако у каждого может лопнуть терпение. Одна песня обрывается довольно выразительным намеком на это:

Ой ходімо, пане-брате, та за круті гори:
Нехай тута виводяться круки та ворони!
Ой ходімо, пане-брате, в степ та в гайдамаки, —
Колись, може, своїм панам дамося у знаки.

В XIX веке крепостное право было отменено, но песни не стали веселее: на смену одной неволи пришла другая. Грусть, уныние, отчаяние и мрачное предчувствие перешли в сюжеты бурлацких и батрацких песен. Вечный беспросветный труд на чужой земле, тяжелое материальное положение не ушли в небытие – изменились только хозяева.

В конце XVIII века в Украине появились произведения о рекрутчине. Причиной их рождения стал указ Петра I, который с 1699 года провозгласил пожизненную солдатскую службу. Только в 1793 году положение рекрутов немного «облегчили», уменьшив срок службы до 25, а в 1834 – до 20 лет. Подобные указы были бесчеловечными: они отрывали человека от родных мест, от семьи, оставляли детей сиротами при живом отце. Семьи бедствовали, хозяйство приходило в упадок, родители перед смертью не могли в последний раз посмотреть в глаза своему сыну... В солдаты шел молодой человек, а возвращался (если возвращался вообще!) старый дед или просто калека. Поэтому рекрутские песни очень напоминают народные «плачи» по умершим. В них содержатся многочисленные жалобы, печаль, безнадежность и... страстная ненависть к тем, кто стал причиной бедствия многих людей.

Очень близки к историческим песням баллады – один из любимых видов устного творчества нашего народа. Этот фольклорный жанр возник как песня, которая сопровождала танец;

даже само название «баллада» переводится с французского (Прованс) как «танец». Позже словесный текст, исполняемый под музыку, и собственно танец разделились. Баллада начала приобретать более серьезное и героическое звучание. Теперь она стала одним из видов народных песен.

Вообще баллады относятся к лиро-эпическим произведениям и являются промежуточным видом фольклора, сочетающим в себе признаки как эпоса, так и лирики. А впрочем, установить точную грань между исторической песней, в которой речь идет об особо остром конфликте или трагическом событии, и балладой очень трудно. Их различие заключается в том, что в балладах видное место занимает даже не событие, а изображение глубоких и острых переживаний, вызванных им. В исторических песнях основой сюжета является правдивое воспроизведение конкретного случая или изображения определенного героя. Баллады носят личный характер, социальная действительность в них передается через восприятие драмы и трагедии определенным лицом. В таких произведениях обязательно должен быть вывод, сделанный на основе описанных событий, развернутый сюжет и достаточно детальный рассказ.

Баллада – небольшое устное стихотворное произведение, в котором изображаются героические и фантастические события преимущественно трагического характера, сопровождаемые тяжелыми переживаниями действующих лиц.

Тематика баллад достаточно разнообразна. Старинные тексты раскрывают поэтическое мировоззрение народа, его мифологические представления, понимание природы и безграничность фантазии неизвестных авторов. Немало образцов этого жанра посвящено отношениям между родителями и детьми, сестрами и братьями.

Очень интересны исторические баллады, в которых рассказывается о героическом и трагическом прошлом нашей страны. Как пример можно привести произведение «Що се в полі забіліло...», в котором с большим мастерством изображено трагическое положение пленников в турецкой неволе. Сюжет раскрывает перед нами историю неизвестной женщины-матери, которая попала в рабство к татарину. «Бусурман» еще раньше взял в жены молодую невольницу – дочь старой пленницы. Дочь узнала мать и стала просить ее:

Мати моя рідненькая!
Скидай з себе свої лати,
Вбирай дорогії шати, —
Будеш з нами панувати.

В погоне за татариним. Худ. А. Монастырский

Но мать своим ответом словно отрезала от себя предательницу:

Ліпші мої вбогі лати,
Ніж дорогі твої шати,
Я волю бідувати,
Як з тобою панувати.

Эта баллада полна глубокой любви к высшей святыне – родной земле. Она стала примером мужества и самоуважения, которые должен иметь каждый настоящий человек. Произведение является прекрасной иллюстрацией к утверждению: лучше умереть на родине, чем жить в неволе.

Едва ли не самой популярной народной исторической балладой является «Ой був у Сечі старий козак...» Это образец высокого гражданского патриотизма. В балладе осуждается предательство и одобряется идея справедливой кары за это. Герой произведения Савва Чалый – лицо историческое, начальник надворных казаков князей Любомирских. Когда в Украине распространилось гайдамацкое движение, он в 1734 году присоединился к повстанцам, борющимся против польского феодального гнета. Но через два года Чалый вдруг добровольно явился с повинной к польскому правительству. Чтобы выторговать себе прощение, он предал товарищей-казаков. Стараясь выслужиться перед новыми хозяевами, Савва по собственной инициативе организовал «охоту» на гайдамаков и жестоко расправлялся с теми, кто попадал к нему в плен. Запорожские казаки вынесли свой приговор предателю. В 1741 году главарь гайдамаков Игнат Голый, выполняя волю истинных защитников Украины, покарал оборотня. В балладе остро осуждается как само понятие измены, так и стремление коварством получить богатство и власть. В ней акцентируется внимание на том, что так или иначе каждого, кто поступает несправедливо, настигнет кара.

Но древнейшими из баллад являются те, в которых раскрывается поэтическое мировоззрение наших предков, древние мифологические представления, мир народной фантазии.

Самыми популярными мотивами таких текстов является превращение человека в растение, птицу или животное.

Баллада «Ой чие ж то жито, чий ж то покоси...» относится к социально-бытовым произведениям. В ее основе – нравственный конфликт между невесткой и злой свекровью. Старуха невзлюбила молодую жену сына и заколдовала ее, в результате чего девушка превратилась в стройный тополь.

Народные думы

Оригинальным и популярным видом устного народного творчества в Украине были также думы. Этот новый казацкий эпос полностью вытеснил староукраинский эпос, остатки которого сохранились только в прозаических переводах или в форме стиха. Чаще всего думы рассказывали о событиях, связанных с героической борьбой наших предков против иностранных захватчиков. Исполнитель обычно произносил текст такого произведения речитативом, подыгрывая себе на кобзе, бандуре или лире. Героическая, но в то же время трагическая история нашей земли благодаря думам и песням сохранилась в памяти поколений и дошла до нашего времени. Сегодня исследователям известны 30 таких текстов. К сожалению, датировать более-менее точно можно разве что некоторые из них.

Думы – чрезвычайно своеобразный жанр литературы. Здесь надо упомянуть и об отсутствии в этих эпических произведениях значительного центрального героя, и о тяготении их к анонимности героя. При этом тексты дум, насыщенные тонким психологизмом, дают подробную характеристику своим персонажам. Впечатляют также описания природы, созданные очень скупыми средствами, но удивительно живописные.

Внешняя форма дум тоже оригинальна: их строки, в отличие от стихов, неодинаковой длины, но хорошо ритмизированы. Своей поэтикой старинные тексты в чем-то подобны народным причитаниям. В них часто употребляют параллелизмы и антитезы. Языку их присуща особая песенность, использование многочисленных эпитетов, сравнений и повторов. Специфическими для дум являются частое употребление двойных синонимичных выражений (низом-долиной, кумовья-побратимы, плачет-рыдает, бежит-подбегает), наличие на протяжении всего повествования постоянных излюбленных эпитетов (буйный ветер, быстрый конь, ясный сокол, сивая кукушка). Некоторые исследователи считают, что тексты дум могут иметь «книжное» происхождение; на эту мысль специалистов наводит употребление церковнославянских форм и сложных слов, характерных для книжного церковнославянского языка. Но более вероятным является предположение о том, что народная речь XVI и XVII веков еще не утратила некоторые церковнославянские заимствования, которые окончательно исчезли значительно позже.

Древнейшие тексты изображали в основном страдания пленников в турецкой неволе, их борьбу за освобождение и побег. Значительное количество дум посвящено также освободительной войне украинского народа 1648 – 1654 годов и героям, которые отличились исключительной отвагой. Особое место среди этих произведений занимают думы, главными героями которых являются такие исторические фигуры, как Богдан Хмельницкий и его соратники (прежде всего, Максим Кривонос и Иван Богун). Позже возник и развился еще один цикл дум – социально-бытовой. В нем видное место заняли проблемы человеческих отношений и основные моральные принципы народа.

Народные думы – это большие песенно-сказательные произведения преимущественно героического содержания.

Впервые думы были собраны и записаны в XIX веке, но большое их количество при этом перерабатывалось или вообще фальсифицировалось. Эти произведения и до сих пор во многом неразгаданы. Исследователи делят их на две группы: с «анонимными» и историческими героями. Но даже те тексты, где говорится об известных личностях, не просто датировать. Дело в том, что думы почти всегда касаются событий, которые могли происходить не единожды. «Анонимные» же произведения (например, побег трех братьев из Азова, невольничий плач, смерть трех братьев под Самарой, дума о буре на Черном море и т.п.) вообще не дают никаких реальных оснований для установления точной даты. Иногда в них даже присутствуют остатки более древнего эпоса (например, в думе о буре встречается имя Алексея Поповича). Только

такой чисто литературный персонаж, как Ганжа Андибер, дает основание утверждать, что текст о нем создавался во времена социальной борьбы казачества. Упоминания же о старых «богатырях» Владимирского цикла часто встречались в литовско-русской культурной сфере еще в XVI веке. Это позволяет предположить, что думы как новый эпос возникли именно в начале XVI века.

Охватить и вспомнить все известные произведения этого жанра невозможно. Но на некоторых из них следует остановиться подробнее.

Жемчужиной украинского народного эпоса является «Дума о Марусе Богуславке», которая переносит нас в те далекие времена, когда орды монголо-татар опустошали землю Украины.

Маруся Богуславка – не историческая личность, а обобщенный образ женщины-пленницы. Попав в турецкую неволю и став женой султана, девушка не забывает родную землю и пытается сделать хоть что-нибудь полезное для нее. Сама она вернуться домой уже не может, но на Пасху помогает убежать из плена невольникам-казакам.

Маруся Богуславка очень напоминает конкретную историческую личность, а именно знаменитую Настю Лисовскую, которая вошла в историю под именем Роксоланы. Перед нами – живой человек, наделенный удивительно реальными чертами характера. Правдивое описание всех поступков и душевных переживаний персонажа делает его объемным, живым. Ведь не существует людей однозначно плохих или хороших, нет ни одного человека, который делал бы только добро или зло и не колебался, принимая решения.

В чем же заключается трагедия героини думы? Она невольно стала предательницей – предательницей христианской веры, а значит, своей души, своей семьи. Для родителей дочь уже не существовала – «потурчиться» считалось позором, вынесением себе приговора. Таким людям нет прощения! Впрочем, разве можно обвинить Марусю Богуславку в измене? Нет, такая точка зрения была бы несправедливой. Желание молодой девушки жить не должно вызвать осуждения в наших сердцах. Но жизнь иногда может превратиться в постоянную муку...

Да, трагедия героини думы в том, что она предала саму себя. Маруся чувствует безнадежность своего положения, понимает, что причиняет жестокую боль своим родителям, но... предательницей своей земли, своего народа она не была и не будет вовек! И молодая жена султана подтверждает это делом – освобождает соотечественников из плена в день величайшего христианского праздника – Пасхи. При этом она понимает, на что идет. Скорее всего, молодой женщине придется собственной жизнью заплатить за свой поступок. Но такая цена освобождения казаков не кажется ей чрезмерной. Кара для Маруси Богуславки будет лишь искуплением собственного греха, собственной «измены».

Еще одна дума, которая вызывает большой интерес, – великое произведение о Самойле Кошке, о его победе в Козлове. Самойло Кошка – личность историческая, о нем неоднократно упоминается в памятниках 1575 – 1602 годов. Но отнести думу к этому периоду оснований немного. Так, некоторые места в тексте напоминают напечатанный рассказ о победе московских пленных в 1643 году. В чем же особенность героя этого произведения? Почему память о нем народ решил увековечить во многих думах? Оснований для этого немало. Этот человек был участником морских походов, которые запорожские казаки совершали против Турции. В 70-х годах XVI века счастье изменило Кошке: он попал в плен. Казак страдал в турецкой неволе 25 лет... А в 1599 году произошло неслыханное событие. Самойло Кошка поднял на галере восстание невольников, захватил корабль и вернулся в Украину. На родине смелого воина и отважного патриота избрали гетманом и начали сочинять о нем думы.

В «Думе о Самойле Кошке» описаны тяжкие страдания казаков в турецкой неволе, которые, однако, не смогли сломить боевой дух пленных, заставить изменить родине. Народный герой противопоставлен трусам и оборотню Ляху Бутурлаку. Но даже этот предатель – не совсем конченный человек: он еще не потерял остатков совести. Бывают и у него минуты, когда

совість просыпается и отзывается какой-то родной голос, который не дает успокоиться. Дума чрезвычайно метко схватывает такие моменты просветления. Эти «умыслы» приводят Бутурлака к бывшим товарищам-невольникам, и он освобождает их из неволи. Неизвестный автор прославил в тексте казаков – настоящих рыцарей, отважных воинов, верных защитников родной земли. Он показал, что при любых сложных обстоятельствах нельзя отчаиваться, опускать руки, потому что безвыходных ситуаций на свете не бывает – надо только проявить смекалку и добиваться победы.

Казак Голота. Худ. М. Дерегус

«Дума о казаке Голоте» раскрывает перед нами одну из самых трагических страниц отечественной истории – период борьбы против татарских завоевателей. Описанные события происходили в XVI – XVII веках. В те времена отряды кочевников часто нападали на земли Украины, грабили города и села, сжигали дома, захватывали пленных. Несчастных пленников везли на продажу на невольничьи рынки. В героической борьбе с поработителями особенно отличились казаки. Многие из них получили право на бессмертие, став героями дум. В древних текстах мы читаем о жестоких боях, славных походах, блестящих победах, чести, отваге и ловкости украинских степных рыцарей.

Казак Голота был одним из любимых персонажей дум. Он небогат (отсюда и прозвище), но заботится не о красивом убранстве, а о лошади и оружии: это первое, что надо иметь защитнику отечества. Этот герой является воплощением лучших черт настоящего воина. Он мужественный, отважный, сообразительный, честный, справедливый. Голота может отстоять и собственное доброе имя, и свою обездоленную землю. Но вместе с тем он часто обнаруживает черты довольно миролюбивого человека, которого взяться за оружие заставили судьба и тяжелые времена. Даже коварного врага, богатого татарина, который хотел захватить казака и продать его в рабство, Голота побеждает в честном открытом поединке. В этом произведении неизвестный автор выразил извечное стремление своих соотечественников: чтобы казаки

Хороші мислі мали
І неприятеля під ноги топтали.

А вот «Дума об Иване Коновченко Удовиченко» имеет очень общий, хотя и прекрасно пересказанный сюжет о гибели казака-воина в боях с татарами. Сказать, кто конкретно стал прототипом героя этого произведения, вряд ли возможно. Предполагают, что главный персонаж – современник Гуни и Острянина, опозитизированный Хвилоненко. Но вполне вероятно, что речь идет о кошевом Удовиченко – это уже 70-е годы XVII века. Поэтому невозможно установить и время написания думы. Можно лишь с уверенностью сказать: данное произведение избежало более поздней переработки и принадлежит к оригинальным, не фальсифицированным текстам.

Раздел II

Древняя украинская литература

Литература времен Киевской руси

Украинская литература XVII-XVIII веков

Українська художественна література має почти тисячелетню історію. Її істини слід шукати в древнеруских літописях, першим відомим твором яких була загадочна «Велесова книга».

«Велесова книга»

Термин «Велесова книга» ныне употребляется для обозначения нескольких священных текстов волхвов, которые для нас сохранила история. Значение этого древнейшего памятника литературы трудно переоценить. Интересна история обнаружения и исчезновения «Велесовой книги».

Так выглядят старинные летописи

Итак, в 1919 году полковник Белой армии Али Изенбек в разгромленной библиотеке помещицкого имения поселка Великий Бурлук Харьковской губернии, где до революции жили потомки казачьего полковника Григория Донец-Захаржевского, нашел странные деревянные дощечки из бука. Все они имели примерно одинаковый размер (38×22×1 см). На потемневшей от времени древесине четко проступали неизвестные письмена. Сколько страниц текста было найдено с самого начала – сказать трудно. Но все они уместились в дорожный мешок. Каждый из кусочков бука имел две дырочки: когда-то деревянные «страницы» явно скреплялись между собой с помощью шнура. При этом одни дощечки соединялись вроде книги, а другие – как альбом.

Первые произведения оригинальной литературы древних времен, которые дошли до наших дней, относятся к середине XI века. Обосновывая идеи политической и религиозной самостоятельности Киевской Руси, литература пыталась закрепить новые нормы христианской этики, повысить авторитет светской и духовной власти, продемонстрировать «вечность» феодальных отношений, новых норм правопорядка. Основные жанры литературы того времени: исторические (предание, сказание, повесть) и религиозно-дидактические (торжественное слово, поучения, жития, хождения).

Находка заинтересовала Изенбека. На дощечках кто-то нарисовал параллельные прямые линии, а под ними разместились странные буквы. Санскрит? Хинди? Сразу сказать это было невозможно. Письмена прочерчивались в древесине острым стилем. Затем неизвестный мастер втер в буквы краску, а после этого покрыл «страницы» чем-то вроде лака.

Изенбек понял, что имеет дело с очень древним языком. Но не иностранным. Письмена напоминали славянские, однако наносились в такие давние времена, что даже человеку знакомому со старославянским языком трудно было хоть что-то понять из их содержания. Буквы на табличках были плотно пригнаны друг к другу (интервалов не было вообще). Такие тексты характерны для кириллического письма Древней Руси. Впрочем, алфавит, который, на первый взгляд, напоминал кириллицу, все же был иной. Так что же за письмо использовал неизвестный автор? Полковник вывез свою находку в Бельгию и уже там попытался расшифровать текст. Первый вариант перевода на современный язык был неполный, с пропусками и неправильным прочтением – Изенбек, человек образованный, интересовавшийся памятниками прошлого, не мог, однако, выполнить его безупречно.

В 1925 году к работе над «Велесовой книгой» присоединился украинский эмигрант Ю. П. Миролюбов-Лядский. Известный литератор сделал копию находки Изенбека и взялся за ее расшифровку; потратив на реставрацию древней «книги» 15 лет (1924 – 1939), он успел охватить за это время 90 процентов материала. Скорее всего, именно Миролюбов-Лядский также сделал снимки нескольких дощечек-оригиналов. Правда, качество снимков оставляло желать лучшего. Дело в том, что Изенбек ни в коем случае не хотел хотя бы на день расстаться со своей находкой, поэтому Юрию Петровичу пришлось работать над «Велесовой книгой» в художественной мастерской бывшего офицера. Почему же столько лет исследователь потратил на копирование и прочтение текстов?

Древние дощечки очень неохотно расставались со своей тайной, которую они хранили на протяжении долгих лет. Буквы на находке отчасти напоминали большие греческие, а частично – санскрит. То, что текст был сплошным, тоже не очень способствовало пониманию написанного. Наконец, дело сдвинулось с мертвой точки. Отдельные слоги указывали на то, что перед исследователем – моление Перуну (волхв называл его «Паруном» или «Впаруною»). Дажьбог тоже неоднократно упоминался в тексте (его имя звучало как «Дажьбо» или «Даже»). Но почему же именно Велесовой исследователи назвали эту древнюю реликвию? А потому, что текст содержал широкое описание того, как «Велс учил Деда земе рати». Кстати, название находке Изенбека в 1957 году дал ученый С. Я. Парамонов (Лесной), он же предложил назвать странное писание волхвов, которое является недостающим звеном между рунами и алфавитными надписями велесовицею. С. Я. Парамонов впоследствии опубликовал труд «Откуда ты, Русь?» и объяснил, что дощечки обязаны своим названием не только прямому указанию неизвестного автора (тот на одной из «страниц» отметил, что книга посвящена «Влесови» или Велесу). Следует еще упомянуть тот факт, что сами волхвы были служителями-жрецами Велеса-Волоса, который у праславян считался богом мудрости. Правда, позже стала известна еще одна «должность» этого божества: оно по «совместительству» было также судьей адского мира – Сторожем Нави.

Впоследствии было прочитано о «Купе-Бозе»: Миролюбов решил, что речь идет о Купале. Интересная информация касалась также обряда очищения «омовением» в бане и принесением жертвы «Роду-Рожаницу», «иже есь Дедо Свенту». Неизвестный автор не забыл почтить и Стрибога («Стрибу, кий же дыха как хще»), и «Вышен-Бога, иже есь хранищ живот наших».

Попытка Миролюбова-Лядского прочитать текст дощечек дала гораздо лучшие, по сравнению с работой Али Изенбека, результаты. Но эта работа была напечатана лишь в 1952 – 1959 годах, после смерти специалиста. А расшифровку Изенбека опубликовали в Сан-Франциско несколькими годами ранее. Именно на них опирались авторы нескольких украинских и рус-

ских переводов. К сожалению, из-за дефектов текста-основы они не смогли должным образом передать содержание памятника – пользоваться этими вариантами прочтения древнего литературного произведения практически невозможно. Но одна из работ выгодно отличается качеством и является даже более детальной, чем перевод Миролюбова-Лядского. Ее автор – А. Куренков, бывший генерал Белой армии, известный ассириолог (псевдоним А. Кур), секретарь Музея русского искусства в Сан-Франциско. Ряд его статей, посвященных «Велесовой книге», и реставрация текста дощечек были опубликованы в журнале «Жар-птица». При этом специалист непосредственно с оригиналом книги не работал, а пользовался копиями и снимками работы Миролюбова. В 1960 году одна из фотографий дощечек попала и в СССР. Ее прислал в Советский славянский комитет С. Я. Парамонов. Отечественные специалисты, даже не видя оригинала, сказали, что находка Изенбека – не очень качественная подделка... О «Велесовой книге» снова заговорили у нас только в 1976 году.

С того времени книга не дает покоя специалистам. Разделившись на два лагеря, одни уверенно говорят о древнем происхождении буковых «страниц», а вторые эмоционально доказывают, что «книга» – фальшивое открытие. Только недавно ученые пришли к согласию, решив: эти тексты – подлинные. Дощечки были созданы в IX веке и старше древнейших из известных грамот (XII ст.) на триста лет. Кстати, именно анализ грамматики, стилистики, фонетики, морфологии берестяных грамот Древнего Новгорода и сопоставление его результатов с «Велесовой книгой» помогли установить этот факт. Поскольку берестяное письмо обнаружили значительно позже буковых дощечек с текстом, это свидетельствует о том, что скопировать более древние тексты авторы «книги» никак не могли. Тем более, что для создания такой гениальной подделки необходимы были бы усилия многих ученых разнообразнейших специальностей. А еще аферисты должны были бы сначала научиться видеть сквозь землю, чтобы учесть данные археологии на полсотни лет вперед. Фактически, первый полноценный перевод «Велесовой книги» был сделан в 1994 году Б. Яценко. А окончательно пронумеровал 74 «страницы» этого уникального литературного шедевра М. Скрипник, который пытался систематизировать тексты в пределах всего сборника. При нумерации использованы не только цифры, но и буквы.

К сожалению, сегодня продолжить изучение древнейшего известного литературного произведения невозможно, поскольку дощечки... исчезли почти сразу после того, как состоялась их расшифровка. Али Изенбек умер в 1941 году, после чего оригиналы буковых «страниц» «Велесовой книги» и сотни картин из частной коллекции бывшего офицера оказались в руках гестапо. Сейчас существует достаточно достоверное предположение, что священные письмены волхвов-русов попали в архивы особой фашистской организации, основанной в 1933 году, – «Наследие предков» («Аненербе»). К ней были причастны 50 институтов, в которых, помимо других дел, занимались оккультными исследованиями. Председателем научной части «Наследия предков» был специалист по древним священным текстам, профессор Вурст, который раньше преподавал санскрит в Мюнхенском университете. Первым о причастности «Аненербе» к исчезновению «Велесовой книги» заговорил Миролюбов-Лядский. Его предположение имело серьезные основания: еще в 1935 году руководитель организации, Гиммлер, приказал своим подчиненным: «Следует искать мысли, действия, наследство индогерманской расы и сообщать народу в привлекательной форме результаты этих поисков. Выполнение задания должно осуществляться методами научной точности». Известно также, что некоторые работники «Аненербе», в том числе и полковник СС Вольфрам Сиверс, перед Нюрнбергским процессом произносили какие-то странные, тайные, явно не христианские молитвы...

Старые буковые дощечки оказались для фашистов не менее опасными, чем хороший заряд ядерной взрывчатки. Еще бы! «Велесова книга» начиналась с рассказа о легендарном ходе древних русов из Семиречья в бассейн Припяти. Это произошло, по утверждению автора, во II тысячелетии до н. э. Почему эти данные глубокой древности так испугали гестапо? Потому что волхв четко отметил: русов вел на новые земли их вождь Арий и его сыновья... Таким

образом, неизвестный писатель четко и недвусмысленно свидетельствовал, что наши с вами, «неполноценные» с точки зрения немцев, предки принадлежат к «истинным арийцам»! А значит, гитлеровская теория расовой чистоты не стоит внимания. Тем более что волхв рассказывал о происхождении праславян и вспоминал, что они разделялись на две ветви: словено-венедов и арийцев... Так кто же для кого является предком?! И о какой исключительно «чистой» крови могли теперь говорить гитлеровцы?! Довершил поражение немецких исследователей тот факт, что половина знаков текста входила в более поздние рунические системы древних германцев. Некоторые из рун праславяне охотно и часто использовали как украшения для браслетов и вышивок. И вообще, оказывается, скандинавское божество Один, которого фашисты очень уважали, и Велес – одно и то же существо... Так что даже мифология наших предков и германцев – две стороны одной медали.

Записи, которые входили в «Велесову книгу», можно отнести к следующим темам: происхождение славян, Русская земля, ее оборона, быт и занятия людей того времени, их торговля с соседями, мировоззрение и верования наших далеких предков. Названия некоторых текстов говорят сами за себя: «Кто мы и куда идем», «Должны заботиться о вечном», «Война с готами и гуннами», «Из прошлого. После Кия». Здесь можно найти также свидетельство о происхождении такого загадочного народа, как скифы. Интересно, что древний писатель рассказал и о том, что скифы воевали в войсках вавилонского царя Навуходоносора II; такие же данные были получены от археологов лишь в начале XX века... «Велесова книга» также отрицает авторство знаменитого Кирилла в создании кириллического и болгарского глаголического алфавита. Одна из дощечек напоминает о каком-то Иларе, который «хотел учить детей наших и должен был прятаться в домах наших, чтобы мы не знали, что он учит наши письмена и то, как приносить жертвы богам нашим». Волхв вспоминал и о бесконечных войнах своих (а значит, и наших с вами!) предков за свою свободу и независимость. Праславянам приходилось постоянно защищать свои земли от киммерийцев, готов, гуннов, греков, римлян, хазар, аваров... Итак, прошлое нашей земли почти никогда не было спокойным.

Последний рассказ дощечек посвящен Ерику-Рюрику и Аскольду, который пытался... окрестить киевлян! Кстати, о том, что на самом деле Киевская Русь вовсе не была крещена князем Владимиром в рекордно короткое время, стало известно сравнительно недавно. Как и то, что князь Дир был совсем не варягом, а греком, к тому же крещеным. Текст «Велесовой книги» явно неполный, оборванный. А последняя «страница» провозглашает: «И крещена Русь сегодня...» Скорее всего, авторов текстов, нанесенных на буковые пластины, было несколько. Ученые считают, что дощечки создавались в разных святилищах языческой Руси, а затем были собраны в «книгу».

Так куда же исчезла загадочная находка Али Изенбека? На этот вопрос сегодня, к сожалению, ответа дать не может никто. Архив же «Аненербе» преимущественно попал в СССР – как трофей. Вот только он до сих пор остается закрытым для любых исследований. Может, «Велесова книга» тоже ждет своего часа где-то на пыльных полках тайного архива?

В древности все литературные тексты делились на две группы: светские и церковно-исторические. Светские произведения рассказывали о повседневной жизни, ее заботах, о необычных событиях, интересных путешествиях и приключениях (иногда они имели откровенно фантастический уклон). Часть из них была переводной – сборники афоризмов, естественно-научные произведения, хронографы, исторические повести. Кстати, именно тогда в Киевской Руси появился первый учебник по географии – «Христианская топография». В XI – XII веках, в бурную, знаменательную эпоху, государство наших предков становится известным во многих уголках мира. Именно тогда создавались оригинальные литературные произведения, которые имели большое значение для дальнейшего развития украинской литературы. Прежде всего, среди них следует выделить такие памятники литературы, как «Поучение» Вла-

димира Мономаха, «Послание» Климента Смолятича, «Житие и хождение Даниила» неизвестного автора, «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, летописи.

Аскольдова могила в Києве

«Поучение детям» Владимира Мономаха и его письмо к Олегу Святославичу

Автор «Поучения...», князь Владимир Мономах, является едва ли не самой выдающейся фигурой нашей древней истории. Его отец, князь Василий, был высокообразованным человеком, свободно владел пятью языками. Конечно, сын перенял от него уважительное отношение к книгам и образованию. Матерью его была греческая царевна, дочь императора Константина Мономаха. Заняв киевский престол, на котором он правил с 1113 по 1125 год, Владимир оставил по себе светлую память как о выдающемся политике и государственном деятеле, умном руководителе и хорошем организаторе.

«Поучение детям» считается одним из самых выдающихся литературных памятников XII века. Оно наглядно демонстрирует незаурядный литературный талант великого князя-реформатора.

«Поучение...» состоит из трех частей. Первая посвящена изложению религиозных указаний. Опираясь на Священное Писание и работы отцов церкви, Владимир говорит о Божьей любви и всемогуществе. Господь, как напоминает автор, терпит все грехи своих детей и дает возможность избавиться от них с помощью молитвы, раскаяния и слез.

Этот памятник древней литературы был занесен в Лаврентьевскую летопись под 1096 годом. Скорее всего «Поучение» рассматривалось летописцами как предсмертное завещание князя, аналогичное последним распоряжениям Ярослава Мудрого (1054). Владимир Мономах писал свое произведение «сидя на санях», то есть незадолго до смерти, где-то около 1117 года. Однако летописцы поместили «Поучение» не под 1125 годом (годом смерти князя), а под... 1096-м! Объяснить этот факт непросто. Наиболее достоверным можно считать предположение о том, что это произошло потому, что именно 1096 годом датировано письмо Мономаха к Олегу Черниговскому, которое непосредственно прилагалось к «Поучению». Кроме того, события, описанные в летописи под следующим 1097 годом (Любецкий съезд князей, ослепление Василька Тербовльского, заключение Мономахом мира с киевлянами и Святополком), давали наглядное подтверждение справедливости основным установкам, связанным с необходимостью соблюдения князьями взятых на себя обязательств, скрепленных «крестным целованием».

Владимир Мономах

Во второй части князь излагает свое понимание обязанностей правителя и обосновывает необходимость заботы о ближнем. Кстати, Владимир запрещал своим преемникам использовать смертную казнь. Зато он подчеркивает необходимость придерживаться присяги, уважать священников, монахов, старцев, выбросить гордость из сердца, остерегаться лени. Своим сыновьям Мономах советовал никогда ни на кого не полагаться. Если уж судьба возвысила тебя, поручив управлять людьми, ты сам должен за всем следить и лично выполнять все обязанности как во время мира, так и на войне. Справедливый христианский государь, по мнению князя, не должен позволять тем, кто сильнее, обижать слабых; такой правитель должен заботиться о бедных, вдовах и сиротах. В жизни же, прежде всего, надо руководствоваться принципами

Владимир Мономах. Худ. Г. Якутович

Примером того, что у Мономаха слово не расходилось с делом, а он сам первым придерживался тех основ, по которым наставлял других, является письмо князя Олега Святославича. 1096 год стал годом тяжелой трагедии для автора «Поучения...». Именно в то время шаткий мир на Руси вновь был разрушен, и между ним и Святополком Изяславичем, с одной стороны, и Олегом Святославичем – с другой, вспыхнул острый конфликт. Сын князя Владимира, Мстислав, во время боя с противником отца погиб. После этого два врага начали... переписываться. Мономах первым обратился к убийце Мстислава. Но проклятий и угроз в его

письме нет. Этот великолепный образец эпистолярного жанра и высокого нравственного идеала наглядно демонстрирует, что отец-князь в своем горе продолжает придерживаться основ христианской морали. Попросив отправить ему тело погибшего сына, Владимир с помощью собственных принципов, изложенных в «Поучении детям», пытался установить со вчерашним врагом новые политические отношения. Последние, по его мнению, должны основываться на личном желании отступить от эгоистических соображений во имя справедливости и мира и заставить забыть о собственных проблемах.

«Слово о законе и благодати» митрополита Илариона

Литературный шедевр митрополита Илариона считается одним из лучших, созданных в киевской культурной среде, а возможно, и первым художественно-публицистическим произведением, написанным в Киеве. Конечно, «Слово...» является для нас значительным памятником литературы и истории. Но не только. Митрополит Иларион оставил нам замечательный образец ораторского искусства. Содержание произведения свидетельствует о том, что «Слово...» в 1037 – 1051 годах было провозглашено, скорее всего, в Софийском соборе или в Десятинной церкви в связи с каким-то праздничным событием; автор читал речь перед представителями высшей киевской знати во главе с Ярославом Мудрым. Исследователи считают, что поводом для написания «Слова...» стал праздник в честь окончания строительства Софийского собора и его освящения.

«Слово о законе и благодати» считается выдающимся произведением ораторской прозы XI века. Оно было создано между 1037 – 1050 гг. священником княжеской церкви в Берестове Илларионом – человеком, обладавшим незаурядным умом, широкой образованностью и писательским талантом. По воле князя в 1051 году Илларион стал главою государственной церкви – митрополитом Киевским. Но митрополичий престол автор «Слова...» занимал недолго: после смерти Ярослава Мудрого, в 1055 году, его наследник был вынужден пойти на компромисс с Византией, из-за чего митрополичью кафедру занял грек Ефрем, а Илларион ушел в Киево-Печерский монастырь, приняв монашество под именем Никона.

Сочинение митрополита Илариона сложное по строению. Оно имеет три части. Сначала автор касается темы «закона» и «благодати»: всемирного значения христианства и взаимосвязей Ветхого и Нового Заветов. Постепенно оратор выражает основную идею о равноправии всех народов в духовной жизни. Иларион довольно подробно объясняет, почему Руси не нужна опека Византии. Он особенно подчеркивает, что его собственные соотечественники – это новый народ, которому принадлежит будущее. Вторая часть «Слова» посвящена вопросу христианства на Руси. Митрополит доказывает, что наше государство получило веру отнюдь не от греков. Эллы не выступали в роли просветителей, а граждане Киевской Руси вовсе не были дикарями и «варварским народом». Автор утверждает: крещение происходило по собственному желанию выдающегося сына русской земли «равноапостольного» князя Владимира. Третью часть произведения Иларион посвятил прославлению деяний самого князя Владимира и его достойного последователя Ярослава Мудрого. В трактовке митрополита Владимир становится на одну ступень с легендарным византийским императором Константином и его матерью Еленой (именно во времена этих личностей христианство приобрело статус государственной религии Византии). А если деяния этих правителей двух народов подобны, то и чествовать русича и византийца надо одинаково... Автор «Слова...» явно подводил своих читателей к необходимости канонизировать Владимира и таким образом обрести собственного святого покровителя. По мнению Илариона, одним из условий получения независимости древнерусской церковью является именно наличие «местных» святых. А во времена средневековья это значило и обретение государственного суверенитета. Ярослав Мудрый получил от автора особую благодарность за строительство и отделку Софийского собора. Кроме того, митрополит возвеличил такие деяния князя, как строительство оборонительных сооружений вокруг Киева и возведение Золотых ворот с надвратной церковью Благовещения.

Илларион возвеличивал подвиг князя Владимира в принятии и распространении христианства на территории Киевской Руси; именно это

позволило государству присоединиться к семье христианских государств в качестве суверенного члена. Митрополит говорил о выдающихся заслугах Владимира в возрастании славы и могущества Киевской Руси, о том, что христианская вера принималась его народом сознательно, в результате свободного выбора. «Слово...» выдвигало требование канонизации Владимира как святого.

Интересно, что митрополит-патриот славил не только Русскую землю и двух ее самых выдающихся сыновей. Он отдал дань уважения и памяти их предшественников-язычников. Например, в «Слове...» тепло говорится о князьях Святославе и Игоре, которые в прошлом славились мудростью и отвагой и которых с уважением вспоминали представители следующих поколений.

Летописи XII – XIV веков

Летописи считаются древнейшими образцами светской литературы Киевской Руси. Произведения этого жанра состоят из расположенных в хронологическом порядке коротеньких заметок и подробных рассказов об исторических событиях. Авторы летописей рассказывали о тех фактах, свидетелями или участниками которых были они сами, или о которых сообщалось в устных народных преданиях и других источниках. Записи многих таких писателей позже группировались и упорядочивались летописцами нового поколения, которые на основе текстов, созданных в разные годы, составляли так называемые своды (сборники), представлявшие собой уже систематически изложенную историю.

Начало летописания в Киевской Руси приходится примерно на X век. К текстам, написанным в течение X – XVIII веков, и сегодня довольно часто обращаются не только историки и филологи, но и писатели – авторы исторических произведений. Например, на основе древних записей были созданы романы П. Загребельного «Чудо», «Первомост», «Евпраксия», «Роксолана», «Я, Богдан», повесть В. Малика «Черлени щиты», произведения Ю. Хорунжего, Ю. Мушкетика. Летописи также являются ценными литературными памятниками.

Одним из древнейших произведений, дошедших до нашего времени и заслуживающих особого внимания, является «Повесть временных лет».

«Повесть временных лет»

Это историко-художественное эпическое произведение, собственно, является не отдельным текстом, а сборником летописных сказаний. Он был составлен в Киеве между 1112-м и 1119 годом и содержит произведения разных жанров как книжного, так и фольклорного происхождения. В «Повесть временных лет» входят рассказы о возникновении государства восточных славян, о том, как Киев стал его столицей. Военные подвиги наших предков, княжеские междоусобицы и народные возмущения также отражены в этом тексте. В летопись вошли и несколько официальных государственных документов (тексты договоров, заключенных между Русью и Грецией). Древний писатель старался показать и отрицательную сторону тогдашней жизни. Ему было обидно, что князья никак не могут прийти к согласию. Летописец призвал их забыть о собственных амбициях и объединиться перед угрозой нападения внешних врагов.

Самыми древними летописными сводами считаются Лаврентьевская летопись (1377 г.), Ипатьевская летопись (20-е годы XV века; сюда вошли Киевская и Галицко-Волынская летописи, последняя из которых доведена до 1292 г.) и Первая Новгородская летопись (30-е годы XIV века).

Автором сборника исследователи считают монаха Нестора, известного как Нестор-летописец. Помимо сугубо исторических данных (собственно летописей), он ввел в «Повесть временных лет» и оригинальные литературные произведения. Это, прежде всего, «Почтение», написанное Владимиром Мономахом, а также письмо князя к Олегу Святославичу. Кроме того, в сборник входят повести об ослеплении Василька Тербовльского, о походе на половцев в 1107 году князя Святополка и других князей, о перенесении мощей св. Феодосия и нападении половцев на Печерский монастырь. К тому же Нестор-летописец использовал отрывки из библейских книг и нескольких работ византийских авторов: «Хроник» Георгия Амартола, «Житий» Василия Нового, «Летописи новейшей» Никифора.

«Повесть временных лет» для своего времени была выдающимся, непревзойденным произведением, имевшим огромное влияние на дальнейшее развитие не только летописных сказаний, но и всей древнерусской литературы в целом. Сохранив идейную направленность свода-

основы, Нестор пытался всем ходом исторического рассказа убедить князей-современников покончить с братоубийственными войнами. На первое место автор «Повести...» выдвигал идею княжеского братолюбия. Стараниями Нестора летопись получила государственный официальный характер.

Нестор-летописец – вероятный автор летописи «Повесть временных лет»

Киевская летопись

Летопись вошла в Киевский свод, составителем которого в 1199 году был игумен Выдубицкого монастыря Моисей. Вообще сборник состоит из рассказов о событиях, которые произошли в Русской земле в течение 1111–1199 годов.

В самой летописи можно найти семейную хронику князя Рюрика Ростиславича, Черниговскую и Переяславскую летописи, рассказы о жизни князя Изяслава Мстиславича и о походе князя Игоря Святославича на половцев. Кроме того, сюда входят: описание праздника по случаю завершения строительства подпорной стены церкви Св. Михаила Выдубицкого монастыря (24 сентября 1198 г.), речь самого игумена по этому случаю, похвала князю Рюрику. Стене, построенной мастером Петром Милоногом, не зря уделили столько внимания. По описанию, это знаменитое гидротехническое сооружение Киевской Руси представляло собой высокую и широкую дамбу, которая предназначалась для защиты выдубицких склонов. Стена вызвала у современников глубокий интерес и восхищение. Киевляне очень любили приходить к ней, чтобы с самой верхушки сооружения любоваться пейзажами Заднепровья. По свидетельствам любителей таких прогулок, во время пребывания на стене возникало чувство настоящего полета.

Интересно, что в Киевской летописи четко разграничены отдельные повести и циклы рассказов о князьях. Образы современных правителей обрисованы достаточно невнятно, шаблонно, с помощью общих высказываний. Что же касается формы рассказов, то они часто написаны в форме речи или диалога.

«Слово о полку Игореве»

Основой этого древнейшего памятника древнерусской литературы стали летописные события. «Слово о походе князя Игоря Святославича на половцев» («Слово о полку Игореве») является шедевром художественной литературы XII века. Считается, что оригинал текста до наших дней не сохранился (хотя утверждать это окончательно, возможно, и не следует).

В центре рассказа Нестора-летописца о событиях 1093 – 1111 годов – Святополк Изяславич, который не мог похвалиться большой популярностью в народе. Когда великим киевским князем в 1113 году стал Владимир Мономах, он, понимая политическое и юридическое значение этой летописи, передал ее для дальнейшего ведения в Выдубицкий монастырь.

По поручению Мономаха игумен монастыря Сильвестр в 1116 году составил вторую редакцию «Повести временных лет», в которой на первый план выдвигалась фигура самого Владимира, подчеркивались его заслуги в борьбе с половцами и достижении мира между князьями.

В 1118 году в том же Выдубицком монастыре неизвестным автором была создана третья редакция «Повести...». В нее вошло знаменитое «Поучение» Владимира Мономаха. В такой редакции изложение событий было доведено до 1117 года.

Пожалуй, ни у одного из литературных произведений на свете не было такой запутанной судьбы, которая больше напоминает детектив, чем у этого. Мы не знаем, кто был его автором, погибла ли рукопись в пламени знаменитого пожара 1812 года в Москве, или, может, была спасена. Следы древнего текста время от времени «всплывают» то в Европе, то в Америке, то в Сибири. И человечество каждый раз ждет новой встречи с героями древности, но... Известие о грандиозной находке оказывается очередной дешевой сенсацией.

«Слово...» изучают уже на протяжении многих десятков лет, но специалисты до сих пор не могут похвалиться тем, что полностью поняли и охарактеризовали текст. Медлительность работы над древним памятником объясняется обстоятельствами, в которых «Слово...» появилось и исчезло, и спорностью тех форм, в которых оно дошло до наших дней.

Первые упоминания об уникальной работе древнего летописца относятся к 1790-м годам. История «Слова...», можно сказать, началась в 1791 году, когда обер-прокурором Святейшего Синода (фактически всемогущим начальником Всероссийской Церкви) был назначен граф Алексей Мусин-Пушкин. Этот московский аристократ не выделялся среди своих современников какими-то особыми способностями, но имел склонность к меценатству, интересовался новинками литературы, науки и искусства. Кроме того, граф был известным и заядлым коллекционером. Своим новым положением и почти неограниченной властью Мусин-Пушкин не преминул воспользоваться: через разных лиц (так называемых «комиссионеров») новый обер-прокурор начал прибирать к рукам памятники старины, особенно книги, которые ранее хранились при монастырях, церквях и кафедральных соборах. Для него настало подходящее время. В связи с царскими реформами значительное количество монастырей прекратило свое существование. Поэтому графу удалось собрать очень много ценных вещей. К сожалению, большинство из них погибло во время огромного пожара в Москве в 1812 году.

Среди поспешно приобретенных памятников был большой фолиант. В коллекции Мусина-Пушкина он значился под номером 323. Книга начиналась хронографом и поэтому в списке фигурировала под этим названием. Позже граф рассказывал, будто приобрел этот раритет вместе с другими книгами через своего «комиссионера», архимандрита Иоиля, игумена Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле. Иоиль вроде бы находился в затруднительном положении и поэтому вынужден был продать «все свои русские книги», среди которых был и хронограф № 323.

«Слово о полку Игореве» было написано между 1185-м и 1187 годом. Эти даты устанавливаются на основе анализа текста произведения. В нем говорится о князе Владимире Глебовиче как о живом человеке, а в 1187 году, согласно сообщению летописцев, он умер. Одновременно следует вспомнить, что князь Игорь Святославович сбежал из плена в 1185 году. Следовательно, до его возвращения на родину «Слово» появиться не могло. К тому же, в 1187 году из плена вернулся Владимир Игоревич с молодой женой и сыном; в заключительной части «Слова» есть здравица в честь этого князя. Этими фактами и определяются хронологические рамки создания уникального литературного произведения.

Сам Мусин-Пушкин характеризовал бывшего владельца фолианта как «мужа с просвещением и любителя словесности». Вот только никто больше таких данных об Иоиле не имел. Ходили даже слухи, будто обер-прокурор всю эту историю просто выдумал, чтобы те способы, которыми он собирал церковную старину, остались не известными при дворе. А на самом деле рукопись он приобрел в псковском монастыре Св. Пантелеймона.

Так или иначе, Мусин-Пушкин утверждал, будто приобрел «хронограф» в 1795 году. Два года спустя он впервые известил о «Слове...», которое входило в сборник. Сообщение об удивительной находке появилось в гамбургском журнале «Spectateur du Nord» в октябре 1797 года. Автор статьи свидетельствовал о том, что якобы в старой Руси в глубокой древности существовали великие поэты (такие, как Боян или автор самого «Слова...»). Как только текст был впервые прочитан, с него специально для царицы сняли копию.

Но в Петербурге, где в то время жил Мусин-Пушкин, его находкой не очень заинтересовались. Очевидно, это произошло из-за прохладного отношения к этому тексту Шлецера, крупнейшего авторитета в области русской старины. Тогда граф, оставив в сердцах должность

обер-прокурора, подался в Москву (там он имел многочисленные связи). В «старой» столице «хронографу» повезло больше. Директор московского архива министерства иностранных дел Малиновский, бывший по специальности историком московской дипломатии, сразу сделал себе копию «Слова...». Вместе со своим сотрудником, Бантышем-Каменским, он приехал к Мусину-Пушкину, чтобы договориться с графом о немедленной публикации древнего памятника. Все проблемы, связанные с обработкой текста, Малиновский взял на себя.

Князь Игорь

В 1800 году вышло первое издание старинной книги. В нем была дана копия оригинального текста и его перевод. Пояснения приводились в заметках, а в небольшом предисловии очень кратко рассматривалось содержание и описание рукописи. Конечно же, Мусин-Пушкин не удержался: в предисловии он назвал издателем себя самого, хотя почти не принимал участия в этом деле. Странно, но публикация очень понравилась Шлецеру. Знаток поспешил публично отречься от своих недавних сомнений относительно древнего происхождения текста. Однако оригинал «хронографа», как оказалось значительно позже, почти никому не был известен.

Об этом вспомнили только в 1812 году, после того, как имение Мусина-Пушкина, которое находилось на Разгуляе, вместе с коллекцией и другим имуществом сгорело. И сразу раздалась новые подозрения относительно возможной фальсификации или более позднего происхождения достопримечательности. Особенно хотелось дискредитировать сановного коллекционера в глазах публики графу Румянцеву, его главному конкуренту. Граф умело поддерживал сплетни о фальсифицировании сгоревшего текста; с ним соглашались, хотя и не так решительно, некоторые ученые.

Скандалу не давало угаснуть выявление действительных фальсификатов (один из них за большие деньги купил сам Малиновский). Такие списки умудрялись производить даже на пергаменте. Сторонники теории оригинальности «Слова...» пытались противопоставить злым языкам авторитетные свидетельства людей, которые видели «хронограф» собственными глазами. И странная вещь: оказалось, что с находкой Мусина-Пушкина никто из признанных знатоков старины не успел как следует ознакомиться. Копий текста, кроме помещенного в первом издании, не осталось (список, сделанный специально для Екатерины II, нашли гораздо позже). Следовательно, никто не мог сказать ничего определенного о том, в какое время могла быть создана рукопись, хотя в предисловии к изданию 1800 года и охарактеризовали ее как «по своему почерку весьма древнюю», но доказать это не было возможности.

За реабилитацию «Слова...» серьезно взялся исследователь Калайдович. Но единственное, чего он смог добиться от Мусина-Пушкина, – это утверждения, что рукопись записана «на гладкой (лощеной) бумаге», письмо было чистое, а «по письму и бумаге надо положить на конец XIV или начало XV века». Однако Карамзин, который собственными глазами видел «хронограф», на основании своих впечатлений утверждал: речь может идти разве что о конце XV века. Этому же мнения придерживался Малиновский, который работал с древним текстом. Существовали также версии относительно еще более позднего происхождения рукописи, согласно которым ее следовало датировать вообще XVII веком.

Среди вероятных авторов «Слово о полку Игореве» ученые называли галицкого «премудрого книжника» Тимофея, певца Митусу, тысяцкого Рагуила, певца Ходина, летописца Петра Бориславича, великого киевского князя Святослава Всеволодовича и даже самого князя Игоря. Однако точно установить имя человека, создавшего этот текст, не удалось до сих пор. Ряд интересных предположений по этому поводу сделал Д. С. Лихачев в статье «Размышления об авторе “Слово о полку Игореве”». Исследователь убежден, что автор текста принимал участие в походе и изложил его историю в летописи. Неизвестный писатель передал мысли князя и, одновременно, как профессиональный певец, создал «Слово...» и сам записал его текст.

Академик Д. С. Лихачев, который потратил много времени и усилий на изучение этого памятника древней литературы, показал, что в «Слове...» соединены два старинных фольклорных жанра – «слава» и «плач»: прославление князей и оплакивание грустных событий. Песни-«славы», связанные с языческой культурой, создал вещий Боян. Традиции этой поэзии продолжали жить в XII веке. Скорее всего, дружинными певцами, которые сопровождали князей в походах, создавались как «славы», так и «поносные» песни. Первые исполнялись в честь победителя половцев Святослава, а вторые – проклинали Игоря.

Несмотря на все недоразумения, оригинальность находки Мусина-Пушкина все же доказали. Главное слово в этом вопросе сказал Калайдович, который уже в 1818 году нашел приписку, сделанную в «Апостоле» 1307 года. Неизвестный копиист процитировал в ней фразу из «Слова...» («при сихъ князѣхъ сѣяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша, въ

князѣхъ которы и вѣци скоротиша ся челоуѣкомъ»). Создавалось впечатление, будто эти слова были давно знакомы ему и почему-то имели в то время большое значение. Исследователя поддержал профессор московского университета Тимковский. Он сопоставил тексты «Задонщины», где речь шла о великой битве на Дону с татарами в 1380 году, и «Слова...». Профессор считал, что «Задонщина», созданная в XIV веке, является не чем иным, как самой обычной переработкой более древнего текста – находки Мусина-Пушкина. Кроме того, Тимковский указывал на стилистическое сходство в «Слове Адама ко Лазарю», «Задонщине и «Слове...». К делу подключился и Карамзин, который доказал родство стиля сгоревшей рукописи с Галицкой летописью. После этого версия фальсифицирования «хронографа» как неправдоподобная больше не рассматривалась.

Но время шло, славянская филология продолжала развиваться, возникла возможность более углубленно, детально изучить творение древнего мастера. И тогда историки и филологи стали находить все больше дефектов напечатанного текста «Слова...», а также высказывать сомнения относительно его традиции. Стало очевидным, что и форма поэмы, которая дошла до нового поколения специалистов, не могла отвечать оригинальной форме «Слова...», написанного в XII веке.

Теперь сторонники старинного произведения столкнулись с новой проблемой. Как можно было определить, что в печатной копии принадлежит самому автору рукописи, что писцам сборника, а за что надо «благодарить» Мусина-Пушкина, Малиновского и всех тех, кто помогал обрабатывать сборник № 323. Поскольку разбиралось написанное с большим трудом, следовательно, ошибки были неизбежными!

Первый серьезный анализ поэмы был проведен в 1836 – 1837 годах Максимовичем. Среди других исследований заслуживает внимания большая монография Дубенского, напечатанная в 1844 году. Но дефекты копии «Слова...» чем дальше становились все более заметными. Следующие авторы во что бы то ни стало пытались внести ясность в понимание текста и ради этой благой цели перешли от мелких поправок к отдельным словам, а впоследствии – к более значительным исправлениям. Достаточно обоснованные теории реконструкции «Слова...» как произведения XII века были, конечно, интересны. Но только находка копии рукописи, сделанной для Екатерины II, дала основание для оценки редакционной работы Малиновского. Теперь можно было рассуждать относительно вида текста в «хронографе» № 323. Но тяжелая работа, которая много лет велась в этом направлении, до сих пор не дала более-менее значительных результатов.

«Слово о полку Игореве»

Итак, «Слово...» ныне известно в едином старом списке, сделанном еще во времена Мусина-Пушкина. По описанию, фолиант, названный «хронографом № 323», состоял из нескольких сотен страниц и был написан на бумаге несколькими авторами или копиистами. Кроме «Слова...», в него входили собственно летописная часть, «Сказание о Индии богатой», «Повесть о мудром Акире», «Деяние прежних времен...» и переработка поэмы о Диогене (одна из версий «Девгениевого деяния»). То есть все произведения представляли собой образцы светской, историко-героической и романтической литературы. К сожалению, никому не пришло в голову сделать копии с других текстов, так что от них остался только перечень и несколько выписок, сделанных Карамзиным из «Акира» и «Девгениевого деяния» – они понадобились писателю для внесения примечаний к своей «Истории».

К 800-летнему юбилею «Слова...» была переиздана интересная монография академика Д. С. Лихачева «“Слово о полку Игореве” и культура его времени» (Л., 1985), в которой раскрываются глубокие связи художественной и идейной системы произведения с культурой древнего государства, с исторической действительностью. А годом позже под редакцией Лихачева вышел сборник научных статей «Исследования “Слова о полку Игореве”».

Тексты «хронографа» принадлежали к разряду очень редких, например, после потери рукописи второй текст «Девгениевого деяния» нашли только в 1850-х годах. А вот копия «Слова...» так и осталась уникальной. Да и вообще, сборник, состоящий только из светских произведений, в древности явно был большой диковинкой. То, что рассказ о походе князя Игоря Святославича оказался в такой «компании», наводило на размышления. Не имел ли этот текст книжного происхождения (писался автором для чтения)? Вот только что же лежало в

основе «Слова...»? Была ли это оригинальная авторская запись? А может, составитель сборника сделал обработку устного текста? Может также случиться, что исследователи имеют дело с записанным песенным рассказом.

Похоже, что копия, используемая для издания 1800 года, ведет свое начало от черновой рукописи (брульйона), написанной автором или посторонним лицом с его слов. На это указывают многочисленные приписки, заметки для памяти, поправки. Складывается впечатление, будто писатель колебался, не зная, куда их вставить. Возможно, древний автор не был уверен, какие части первоначального текста будут нужны, а какие станут лишними при дальнейшем редактировании. Удивляет также еще один момент. Четко ритмизованный текст местами прерывается прозаическими частями. Почему? Зачем они нужны? Может, подобные вставки появились, когда различные варианты старой песни пытался собрать воедино посторонний человек? Тогда получается, что древний копиист просто не смог или не успел привести к единой ритмической системе некоторые места? Это может объяснить существование прозаических «рубцов» на фоне повествования – они, наверное, обозначают места, где «состыковывались» разные варианты. Хотя нельзя отбрасывать версию, согласно которой прозаические отступы и приписки являются лишь последствиями изменения текста-основы позднейшими книжниками. Правда, некоторые исследователи считают, что якобы данный текст выполнялся речитативом, вроде старинных былин. В этом случае ритм повествования местами мог умышленно снижаться, и тогда оно переходило в прозаические декламации.

«Слово...» родилось на юге Руси. Точнее место написания шедевра не берется указать никто. Кто был автором этого произведения, тоже неизвестно. Во всяком случае, ни в самом тексте, ни в других древних исторических и литературных памятниках упоминания о нем не встречается. Одно очевидно: неизвестный писатель имел чрезвычайно широкий кругозор, получил хорошее образование, был человеком начитанным и хорошо знакомым как с литературой своего времени, так и с произведениями древности. Некоторые моменты в «Слове...» указывают на то, что автором текста является непосредственный участник описанного похода, один из представителей высшего класса тогдашнего общества. Отдельные детали дают понять: хоть поэма создавалась уже после возвращения Игоря из плена, впечатление от похода с течением времени не потускнело в памяти рассказчика. Самой убедительной считается версия Б. А. Рыбакова, который утверждает: «Слово...» писалось в Киеве, автором же поэмы был киевский боярин Петр Бориславич, который упоминался в летописи.

Уникальный текст создавался, когда Русь стонала от постоянных жестоких набегов кочевников. Произведение в художественной форме передает трагический эпизод борьбы – неудачный поход на половцев, организованный в 1185 году новгород-северским князем Игорем Святославичем. Он собирался отбросить грабителей и врагов как можно дальше в степь и попытаться отвоевать старинную вотчину Руси – Тмутараканское княжество. Во всяком случае, князь не собирался останавливаться раньше, чем его войско пробьется на Дон. Несомненно, этот смелый план был довольно привлекателен, но с самого начала обречен на неудачу. Слишком неравными были силы русичей и их врагов. К тому же о плане похода половцы знали еще до его начала.

Несмотря на это, в первый день войны Игоря в схватке с кочевниками одержали победу. Но уже на следующий день половцы собрали большое войско и окружили русичей. Побоище продолжалось три дня. Утро четвертого застало живыми лишь небольшую группу ратников Игоря. Сам князь, его брат Всеволод, сын Владимир и племянник, Святослав Ольгович, попали в плен. Поражение было жестоким. Русь вздрогнула от такого болезненного удара. Летописи намекали, что неудача Игоря – это Божья кара за его грехи. Но автор «Слова...» находит более прозаичную причину поражения. По его мнению, ею стало отсутствие сплоченности и единства русских князей, их распри, которые приводили к упадку всего государства. Поэт сравнивает современные события с княжескими междоусобицами, которые имели место во времена Олега

Святославица и предостерегает: прошлые битвы принесли много бед и страданий, но они становятся все кровопролитнее... Автор решительно заявляет, что выход из тяжелого положения есть только один. Надо наконец объединить все силы Руси под руководством киевского князя Святослава Всеволодовича.

Литературные приемы «Слова...» явно берут свое начало из народного творчества. На это указывает особый лиризм, изображение тесной связи человека с природой, яркая образность, мелодичность, использование постоянных эпитетов, сравнений, тавтологических оборотов. Немало в «Слове...» также символических образов, характерных для народного описания мира природы. Особенно наглядно черты народной поэзии нашли свое проявление в плаче жены князя Игоря, Ярославны. В своем монологе женщина обращается к ветру, солнцу, Днепру-Славутичу. Она просит одного: помочь Игорю в беде.

Природа вообще является одним из важнейших персонажей этого произведения. В ее изображении ощущается не только наблюдательность автора, но и его умение воплотить обычные явления в языческие образы, источники которых – в давних временах Киевской Руси. В тексте упоминаются древние боги славян, количество которых, кстати, поражает. Так, певец Боян назван внуком Велеса, а ветры – потомками Стрибога. Русичи – внуки солнечного бога Дажбога (Дажьбога). Русская земля была крещена в конце X века, а до того наши предки считали ее «вотчиной» бога Трояна (об этом тоже упоминается в поэме). Несколько раз писатель обращает внимание читателя на Солнце, рисует его затмение. Живительному светилу уподобляются князья Игорь и Всеволод. Ярославна в своем плаче-молитве также обращается к обожествляемым Солнцу и Воде. В «Слове...» упоминаются еще некоторые мифологические персонажи, такие как Дева-Обида, используются народные поверья. Все это демонстрирует прочность языческих представлений автора текста, дает возможность понять то сложное для государства время, когда в нем образовалось двоеверие, своеобразное сосуществование двух религиозных мировоззрений.

Плач Ярославны. Иллюстрация В. Фаворского

Тот факт, что «Слово...» написал человек очень талантливый, образованный, прекрасно знающий историю, хорошо ориентированный в политике, глубоко понимавший суть общественных процессов своего времени и виртуозно владевший средствами народного творчества, не вызывает никаких сомнений. Очевидно, текст неизвестного нам писателя выразил устояв-

шийся в киевских дружинных кругах взгляд на причины и последствия похода новгород-северского князя. «Слово...» изрядно повлияло также на летописное повествование, которое приняло данное писателем понимание инцидента и его описание подробностей.

К сожалению, анализ поражения войска Игоря и призыв автора поэмы не дали желаемых результатов. Обстоятельства не укрепили политической и национальной солидарности Руси. Поэтому «Слово...», которое при других обстоятельствах могло бы стать первым произведением новой великой национальной эпопеи, осталось лишь выражением несбыточной мечты человека, влюбленного в свою землю.

Политическая злободневность, высокохудожественная народная форма выражения обеспечили этому произведению бессмертие в веках. «Слово...» сохраняло свою популярность среди современников, повлияло на дальнейшее развитие художественной литературы и стало одной из самых привлекательных тайн в наше время...

Галицко-Волынская летопись

Эта летопись, созданная в XIII веке, охватывает события, произошедшие на галицко-волынских землях в период с 1202 по 1292 год. Она является уникальным историко-литературным памятником, дошедшем до нас в составе Волынского летописного свода конца XIII – начала XIV века. Вообще эта летопись составлялась в Холме для того, чтобы обосновать политику Даниила Галицкого, который считал свои земли – Галич и Холм – «вторым Киевом» и стремился стать наследником киевского князя. Для этого официальный летописец получил задание тщательно переработать Киевский свод – тот, что содержал «Повесть временных лет». Так, перед началом «Повести...» неизвестный автор поместил перечень киевских правителей. Он начинался с Аскольда и Дира и заканчивался Дмитрием (последний был наместником самого Даниила Галицкого). А первые десятилетия, которые описываются в основном произведении, древний автор заменил собственным сочинением. Для этого он использовал как произведение киевских летописцев, так и данные архива галицкого князя. Работа над редактированием текста велась под присмотром доверенных лиц Даниила: печатника Кирилла и епископа холмского Ивана. Галицко-Волынская летопись доведена до 1260 года. Возможно, она является делом рук боярина Дионисия Павловича.

В состав свода входят, конечно же, тексты многих документов, фрагменты из других летописей, военные повести, выдержки из исторических произведений. Главное лицо сборника – бесспорно, князь Даниил Галицкий. Автор вдохновенно воспевае его как человека мужественного, мудрого, настоящего защитника родной земли, тонкого дипломата, предусмотрительного строителя государства. Собственно, перед нами предстает нечто похожее на единую военную повесть, главным героем которой является сам князь. В центре внимания произведения стоит борьба с «кормолою» враждебных князю бояр и внешними врагами.

Волынский раздел летописи начинается 1261 годом. Здесь тоже нет чисто летописного повествования, и, за несколькими исключениями, отсутствуют даты событий. Однако этой части свода присуща ббольшая последовательность.

Летописец показал себя очень образованным для своего времени человеком. Он использует в работе выдержки из текстов византийской хроники Иоанна Малалы и Георгия Амартола, из «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия, «Александрии». Язык произведения тоже заслуживает внимания: летописец метко оперирует народными пословицами, разнообразит высказывания использованием метафор, тонко передает эмоциональность и драматизм ситуаций. Он стремится быть патриотом, но при этом не теряет справедливости по отношению к противникам.

Особенность этого произведения заключается в том, что оно, в отличие от других летописей, не имеет хронологической сетки и написано как единый целостный рассказ. До нашего

времени сохранилось несколько списков этого текста: Хлебниковский, Погодинский, киевский список Марка Бандуры.

Руины Даниловой башни под Холмом

Казацкие летописи

Особенности украинской жизни в древности нашли свое воплощение в казацких летописях. Как жанр литературы они возникли в XVII веке. До нашего времени дошло несколько таких сборников, в которых рассказывается об освободительной борьбе украинского народа в 1648 – 1654 годах. Наиболее полно о Хмельниччине, жизни народа в тот период, его борьбе за свободу говорится в произведениях Самовидца, Григория Грабянки и Самойла Величко. Они, собственно, и составляют вершину украинского летописания XVII – XVIII веков, хотя сильно отличаются от типа летописных сборников.

Летопись Самовидца

Настоящее имя автора этой летописи на сегодня не установлено. Текст охватывает времена до 1702 года, но первая его обработка относится где-то к 1672 – 1674 годам. Стиль письма «летописца» очень разнообразен, содержит много удачных описаний, местами демонстрирует эпизоды, которые характеризуются достаточно напряженным драматизмом повествования. Речь сборника достаточно простая, близкая к народной. Это достигается благодаря использованию большого количества пословиц, поговорок. Но все эти характерные для старых летописей признаки являются своеобразным литературным приемом. За ним автор так удачно скрыл свое лицо, что его не определили до сих пор. Кроме того, он прикрыл исторически-эпическим стилем очень неприятное и опасное для шляхты изложение событий, произошедших в Украине. Например, в своей «летописи» Самовидец отмечал: «И так народ посполитый на Украине, послышавши о сносе (столкновении) войск коронных и гетманов, сейчас начал купити (объединяться) в полки не только те, которые казаками бывали, но кто и беды казачества не знал... На тот час тоска великая людем всякого состояния знатным была, и надругания от посполитых людей, а больше всего от гуляк, то есть от броваров, винников, могильщиков, будников, батраков, пастухов». Конечно же, произведение пытались изъять из широкого употребления, а его автор предусмотрительно постарался сделать так, чтобы его особа ни в коем случае не стала известна властям.

Летопись Грабянки

А вот автор второго выдающегося исторического произведения, Григорий Грабянка, в отличие от Самовидца, не стал прятать свое имя и собственное отношение к описанным событиям под маской объективного летописца. Он начал писать летопись лишь после 1709 года, но это не помешало ему изложить свою историю Украины от самых ее истоков. Но главной темой для автора, впрочем, оставалась Хмельниччина. Недаром посвященная ей часть стала единственной в совершенстве обработанной с литературной точки зрения. С особой тщательностью написаны страницы, где изображены лица, к которым Грабянка имеет личную симпатию, или события, которые вызвали у него большой интерес. Характерно, что во время работы автор пользовался не только украинскими источниками, но и польской литературой (изданной на польском и латинском языках) и произведениями западных писателей (Пуфендорф). Сам он этого факта не умалчивает. Что же касается стилистических образцов этой летописи, то их Грабянка нашел у римских историков, в частности – у Ливия. Язык, на котором написано произведение Грабянки, принадлежит к более «высокому» стилю, нежели язык летописи Самовидца.

Григорий Грабянка (? – 1737 или 1738) – украинский казацкий историк-летописец, гадацкий полковой судья, участник войн с турками, татарами,

шведами. Он погіб в бою с татарами во время русско-турецкой войны 1735 – 1739 годов.

Летопись Величко

Работа третьего летописца украинского барокко, Самойла Величко, является крупнейшей по объему и, бесспорно, самой выдающейся из историко-литературных произведений своего времени. К сожалению, отдельные ее части были утрачены, поэтому она доходит лишь до 1700 года (автор, кажется, довел летопись до 1720 г.). В предисловиях к первому и второму томам «Летописи» Величко раскрывает некоторые особенности собственного взгляда на прошлое и современность, а также принципы своей исторической «методологии». Источники Величко не менее разнообразны, нежели у Грабянки. Он, например, также воспользовался «услугами» Пуфендорфа, а из поэтов использовал высказывания Торквато Тассо. Особенности стиля римских историков повлияли на манеру повествования автора «Летописи» больше, чем на язык его предшественника. Герои Величко провозглашают короткие или длинные речи, составленные по образцу, представленному в произведениях латиноязычных писателей.

Титул и страница летописи С. Величко. 1720 г.

Стиль Величко ощутимо меняется в зависимости от предмета его описания и состоит из нескольких различных слоев. «Высоким» стилем, который напоминает проповедь, автор пользуется в речах, а также в особо напряженных местах «Летописи». Когда же он выражает собственные взгляды, на смену великолепию приходит стиль значительно проще. Описания событий даны обычным разговорным, но очень поэтичным языком. Это разнообразие стилей очень напоминает старые украинские летописи. Сходство с произведениями этого жанра

достигается и благодаря комплектованию сборника. Поскольку летописи были, можно сказать, энциклопедиями древней литературы, Величко тоже добавил к изложению реальных событий стихи известных и неизвестных поэтов, в основном исторические и политические. Он также использовал тексты панегириков и надгробных надписей (эпитафий) и т. д. Но поскольку автор пытался создать, прежде всего, не литературное, а историческое произведение, то в «Летописи» можно найти многочисленные документы и выборки из весомых источников, переводы, выдержки из работ иностранных авторов.

Самойло Величко (1670? – после 1728) – украинский казацкий летописец, канцелярист Генеральной военной канцелярии, известен не только своей трехтомной «Летописью», но и другими литературными и педагогическими трудами, в частности переведенным с немецкого языка сборником «Космография».

«История Русов»

В украинском летописании одно из главных мест по праву принадлежит «Истории Русов». Впервые о ней стало известно примерно в 30-е годы XIX века. Тогда на Левобережной Украине появилась летопись, которую приписывали белорусскому архиепископу Юрию Конисскому. «История Русов» передавалась из рук в руки, и потомки казацкой старшины зачитывались этим произведением. Читатели не могли оставаться равнодушными, почувствовав горячий патриотизм повествования и поняв смелость взглядов его автора. К сожалению, об авторе долгое время ничего не было известно: фамилию «Конисский» неизвестный писатель использовал только с целью конспирации... Нынешние исследования позволяют утверждать (с большой долей правдоподобности), что «История Русов» – плод труда Григория Полетики.

Автор летописи родился в 1725 году, образование получил в Киевской академии. Учителем Полетики был Юрий Конисский (неудивительно, что его имя фигурирует в предисловии). После окончания обучения Григорий стал работать переводчиком в Академии наук и Святом Синоде в Санкт-Петербурге; в этом городе автор «Истории Русов» провел большую часть своей жизни. Незадолго до смерти Полетика вернулся на родину, «в свои имения в лубенском полку», но он продолжал часто бывать в Петербурге. Умер писатель во время одной из таких поездок, в 1784 году. Полетика был очень образованным человеком (его собственная библиотека считалась одной из крупнейших в то время), свободно владел несколькими языками, перевел и издал многие произведения греческих писателей (к примеру, Ксенофонта и Эпиктета). Но история собственного государства, похоже, интересовала одаренного переводчика больше всего. Это заметно хотя бы по тому, что он подготовил много материалов для значительной исследовательской работы – на это указывали специалисты при поисках настоящего автора «Истории Русов».

Упомянутую летопись ни в коем случае нельзя рассматривать как научную работу. И это неудивительно. Ее автор не знал о ходе многих важных событий, некоторые из них представлял себе не очень хорошо или совсем неправильно. Часть глобальных исторических сведений Полетика трактовал, исходя из собственного желания, а не опираясь на реальные факты. Похоже, «летописец» вообще писал так, как ему нравилось, и не интересовался мнением специалистов-историков по этому поводу. Почему же автор «Истории Русов» не заботился о реалистичности изложенного материала? Наверное, потому, что составить «летопись» его заставила какая-то острая проблема, для решения которой не стоило идти обычным путем.

Дело в том, что в XVIII веке вообще не существовало такой истории Украины, где бы борьба украинского народа изображалась справедливо и соответствовала реальному положению событий. Конечно, о нашем государстве писали довольно много, особенно поляки. Однако они считали украинцев своими извечными соперниками и относились к ним, мягко говоря, предвзято. Поэтому в «истинном» описании прошлого Украины, изложенном польскими специалистами, использовались все средства, чтобы унижить наших предков.

В «Истории Русов» мы можем прочитать рассказ о том, как поляки умышленно пытались показать: украинцы вообще не имеют славного прошлого, являются варварами, неспособными создать высокую культуру. И вообще, все, заслуживающее внимания, наши предки переняли только благодаря тому, что были подданными Речи Посполитой. К сожалению, произведения тогдашних официальных украинских историков недалеко отошли от позиции наших соседей. Горе-специалисты, не зная как следует прошлого своего народа, писали огромные труды, опираясь исключительно на польских авторов. Из-за этого иногда рождались анекдотичные утверждения. Например, что именно польские короли заселили пустынные земли над Днепром... И о какой славе наших предков могла после этого идти речь?!

Григорий Полетика

Такое положение дел не могло не вызвать недовольства со стороны образованной части украинского общества. Вот и автор «Истории Русов», возмущенный такой несправедливостью, решил сам восстановить истину. Писатель хотел во что бы то ни стало вознести славу Украины, продемонстрировать как своим соотечественникам, так и иностранцам, что нам есть чем гордиться. Он хотел обратить внимание читателей на достижения и заслуги украинского народа, научить их уважать свое прошлое и гордиться им. Главной целью «летописи» было желание вернуть Украине ее славу.

Общий ход государственной истории изображен в «Истории Русов» кратко. В ней четко разграничиваются несколько периодов, и каждому из них дается точная и категоричная оценка. Полетика утверждает, что Украина с княжеских времен была самостоятельным государством; соглашение же о союзе с Литвой и Польшей заключалось только для обороны от татар. При этом стороны должны были соблюдать условия равноправия. «Летописец» подчеркивал: именно из-за преследования со стороны Польши Украина вынуждена была выйти из союза и искать нового партнера. Им стала Московия, но обязательное равноправие обсуждалась и здесь. Рассматривая события разных времен, автор пытается доказать читателям, что Украина

всегда была свободным государством с собственной высокой культурой и достойной уважения историей.

О давних временах в «летописи» написано немного. Но Полетика обращает внимание на то, что все города, реки и горы на территории страны имели старые славянские названия. Кроме того, надписи на памятниках древности и старинные документы свидетельствуют: наши предки жили на этой территории испокон веков. Автор труда подчеркивает тот факт, что культура Украины значительно старше культуры Московии, название «Русь» было взято русскими от земли их собственных предков (Киевской Руси). Христианские обряды пришли к нашим соседям тоже из Киева, который принял новую веру еще до того, как Московия вообще появилась на свет.

Писатель напоминает, как татары постоянно разрушали города могущественной державы наших предков. Защищаться от диких кочевников в одиночку было трудно, поэтому Украина сначала объединилась с Литвой, а затем с Польшей. И Полетика отнюдь не согласен с тем, что якобы украинцы стали подданными своих воинственных соседей. Наоборот, «летописец» доказывает, что они оставались свободными, имели целый ряд прав и привилегий. Потомки украинских князей входили в состав высших правительств страны, из их числа позже начали выбирать гетманов.

Но союзники стали посягать на извечные права нашего государства, и прежде всего – на его право самостоятельно решать свою дальнейшую судьбу. И вот тогда начались проблемы... В Украине воцарилась эпоха разорения и истребления. Людям пришлось на собственном опыте испытать, что такое унижение, издевательство, насилие, муки, неволя... Не выдержав тяжелых времен, многие из знатных лиц отреклись как от собственного прошлого, так и от традиций предков и древней веры. И тогда среди угнетенных соотечественников поднял свой голос Богдан Хмельницкий. Он провозгласил: настало время поднять оружие и отстоять родину. «... Враги все отняли у нас: честь, право, собственность и саму свободу языка и веры нашей; остается при нас только жизнь, но и она безнадежна и невыносима нам самим, и какая же это жизнь, если она наполнена горем, страхом и бесконечным отчаянием? Предки наши, когда соединялись с соседями, пришли к ним со своей природной землей, со своими городами и селами, даже со своими законами, со всем, что нужно в жизни. Они ничего не дали нам, ни на один грош, а заслуги наши и предков наших, сделанные для расширения их королевства, известны всей Европе и Азии!.. Но за пролитую за них кровь нашу и за убитых на полях сражений тысячи и тысячи войска нашего они награждают нас одним пренебрежением, насилием и тиранией всех родов. И если вы, братья и друзья, не слышите презрительных имен, которые враги дали вам, то есть имени холопа и раба, то вспомните хотя бы недавние жертвы предков наших и братьев ваших, замученных величайшим, неслыханным варварством... Все те мученики, замученные за свою родину, за свободу и веру нашу, взывают к вам из могил своих, жаждут за кровь мести и призывают вас к обороне нашей Родины». Это – обращение Хмельницкого к казакам. Приведенное в «Истории Русов», оно дает яркую характеристику как легендарному гетману, так и Полетике, который не побоялся использовать «крамольную» речь в своей «летописи». Автор подчеркивает, что заключить связи с Московией Хмельницкий был вынужден под влиянием тяжелых обстоятельств. Однако, согласно тогдашнему соглашению, оба народа должны были при этом оставаться равноправными... К сожалению, одна из сторон придерживалась данного слова недолго. Российские правители нарушили договор и уничтожили вольности Украины, а достойные сыны нашего государства в ответ на это стали под знамена гетмана Мазепы.

Б. Хмельницький в Переяславі в 1654 г. Литографія В. Сизова

Одним из исторических лиц, выведенных в «Истории Русов», является король Швеции Карл XII. Полетика охотно приводит его слова о том, что «московский царь является врагом всех народов мира и желает покорить их под свое иго, бросил и казаков под свое иго, отменяет и отнимает все ваши права, свободы, утвержденные святочными условиями... Потому что известно всему миру, что украинский народ был сначала самодержавный, т. е. зависимый сам от себя, и соединился с Московщиной добровольно...»

Вспомним, что последние слова на момент написания «летописи» (конец XVIII в.) приобрели особое значение: тогда Россия уже держала Украину под тяжелым гнетом. Так что для того, чтобы изложить письменно такое понимание истории, превратить историко-литературное произведение в острую критику отношений двух государств, надо было иметь не только редкую отвагу, но и необычное свободолюбие.

Итак, автор «Истории Русов», сознательный государственный деятель, на видное место ставит благополучие своего народа. Он размышляет над путями восстановления страны и методами возрождения ее независимости. Для этого, по мнению Полетики, обязательно надо иметь собственное войско, правительство должно связывать свои интересы с народными нуждами; самим украинцам необходимо, во что бы то ни стало, придерживаться согласия, чтобы иметь возможность противостоять попыткам превратить их в «хлопов».

«История Русов» имела огромное влияние на развитие сознания представителей украинской интеллигенции того времени. Об этой «летописи» вспоминают Тарас Шевченко и Александр Конисский, под влиянием которого написаны сочинения Гоголя и Гребенки, воздали должное этому необычному тексту и выдающиеся историки Маркевич и Костомаров... Да, изображение событий более поздних времен в данном произведении с исторической точки зрения не выдерживает критики. Они изобилуют неточностями, ошибками, а иногда и выдумками. Однако это не влияет на общее значение «Истории Русов» для воспитания личности. Эта «летопись» стала первым образцом откровенного, смелого взгляда на отношения между государствами и примером истинного патриотизма.

Первые переводы Библии

Первый перевод книг Ветхого Завета на греческий язык был осуществлен примерно в 283 – 247 годах до Рождества Христова. Авторами его стали 72 еврейских мудреца. В связи с этим перевод называется Септуагинта – «семьдесят толковников». Что же касается Нового Завета, то он сразу был написан на греческом языке (исключение составляет Евангелие от Матфея, изложенное на арамейском). Примерно в 382–405 годах все Писание (по настоянию св. Иеронима) полностью перевели на разговорный латинский язык; эта книга стала известной как Вульгата, а ее старейшее издание, увидевшее свет в городе Майнце, датируется 1462 годом. Собственно, само название Библии означает в переводе с греческого «книги». Интересно, что его начали применять к Священному Писанию только где-то с III, а то и с IV века.

В Украину Священное Писание, написанное на церковнославянском языке и состоящее только из неполного Нового Завета и отдельных произведений Ветхого Завета (прежде всего, Псалтыря), пришло еще с княжеских времен. Старейший из текстов Евангелий, сохранившийся до наших дней, датируется 1092 годом. Это Евангелие хранилось в Москве, в Румянцевском музее. Так называемое Бучацкое Евангелие, находившееся во львовском василианском монастыре, немного «моложе» – оно написано в XIII веке.

Первая отечественная печатная книга Священного Писания была создана во Львове в 1574 году. Речь идет о знаменитом «Апостоле» первопечатника Ивана Федорова. А вот первое полное издание Писания вышло только в 1581 году и ныне известно как Острожская Библия.

Поскольку в XVI веке начался конфликт между православной и католической церквями, возникла необходимость в издании религиозных книг живым, понятным для народа языком. Именно тогда появились первые переводы Евангелия на украинский язык. До нас дошли три экземпляра таких изданий: Василия Тяпинского, Валентина Нагалеvского и монаха Григория, архимандрита волынского Пересопницкого монастыря. Последняя книга, получившая название «Пересопницкое Евангелие», датирована 1561 годом. Она считается самым ценным и самым полным из этих переводов. Монах Григорий брал за основу, как указано в его работе, болгарский текст. Интересно, что с 2005 года в Украине, похоже, родилась новая традиция. Впервые Президент страны принимал присягу не только на Конституции, но и на этом старом Евангелии – реликвии далекого прошлого нашего государства и свидетельстве высокой духовной культуры наших предков.

«Апостол». Первая печатная книга в Украине

Чуть позже, в XVII веке, дальнейший перевод Священного Писания на украинский язык был приостановлен: в стране тогда видное место отводилось школе латинской схоластики. Однако тексты, написанные «неуставным» языком, все же кое-где продолжали появляться. Примером удачного тогдашнего перевода может быть катехизис митрополита Петра Могилы.

Миниатюра из «Остромирова Евангелия»

Но положение с течением времени не улучшалось: в 1685 году украинская Православная церковь перешла под власть Московской патриархии. Поскольку российское правительство считало использование украинского языка опасным для собственной государственности, оно запретило печатание книг (прежде всего религиозного содержания) на украинском. Екатерина II (XVIII ст.) пошла еще дальше: все школы и церкви нашего государства получили распоряжение ввести московское произношение церковнославянских текстов. Правда, украинская интеллигенция никак не желала мириться с таким положением вещей. Уже в XIX веке появилось несколько переводов на украинский язык выдержек из Священного Писания. Наиболее известными из них были переводы Григория Квитки-Основьяненко, Маркияна Шашкевича, профессора Михаила Максимовича, Филиппа Морачевского. Работу последнего российская Академия наук приняла к печати, но князь Долгоруков и киевский генерал-губернатор Анненков надавили на Священный Синод, и Евангелие на украинском так и не вышло. Правда, перевод Морачевского таки увидел свет. Только произошло это на 45 лет позже, в 1906 году.

Несмотря на политические препятствия, книги Священного Писания на украинском языке в государстве были. Поскольку их на родине не печатали, заказ отправлялся за границу. Так, в Польше издавались Напрестольное Евангелие, полный текст Нового Завета и Псалтырь. Над большинством из этих книг работал известный ученый, профессор Михаил Кобрин. Еще один почти полный перевод Библии принадлежит перу писателя Пантелеймона Кулиша и ученого Ивана Пулюя. Уникальная работа печаталась в Вене и Львове частями. Но однажды в издательстве произошел пожар. Среди других рукописей пламя уничтожило перевод всего Ветхого Завета. Копии у авторов, к сожалению, не было... Тогда Пантелеймон Кулиш снова принялся за дело. Работал он так, словно понимал: для окончания работы ему может не хватить времени. И таки не хватило... Но перевод был завершён – после смерти Кулиша его дело закончили Иван Пулюй и Иван Нечуй-Левицкий. Право же собственности на этот перевод получило Британское Библейское Общество (впервые оно издало Библию на украинском еще в 1903 году). Конечно, иностранные издания книг Священного Писания в нашей стране были официально запрещены.

Прошло несколько десятилетий. Поскольку за это время украинский язык ощутимо изменился, возникла необходимость сделать новый перевод религиозных текстов. Так, Стокгольмское общество в 1942 году выпустило Новый Завет и Псалтырь; перевод этих книг выполнил профессор Иван Огиенко. Британское же Библейское Общество в 1955 году напечатало полный текст Библии (перевод митрополита Илариона Огиенко).

Пересопницкое Евангелие

Церковно-историческая литература времен Киевской Руси

Наиболее интересными образцами церковно-исторической литературы времен Киевской Руси являются повести-жизнеописания о первых крестителях государства – Ольге и Владимире, мучениках Борисе и Глебе и других святых. Особое место среди литературных произведений того времени принадлежит также апокрифам, сюжеты и мотивы которых охотно использовали писатели поздней эпохи – в древней и классической украинской литературе. Образцом таких памятников могут служить описание ада и рая в «Энеиде» И. Котляревского, поэмы «Мария» Т. Шевченко и «Моисей» И. Франко, цикл «Скорбящая мать» П. Тычины. Франко, кстати, глубоко исследовал апокрифическую литературу и подготовил самую полную подборку украинских апокрифических текстов «Апокрифы и легенды», которая состояла из пяти томов.

Апокрифы (от греческ. «спрятанный», «тайный») – не признанные церковью эпические произведения раннехристианской и средневековой литературы, в основу сюжета которых положены Библия и Жития святых.

Кроме того, в Украине все больше распространялись, становились характерными для древнерусской литературы жанры проповеди и паломничества (описания путешествий в различные религиозные центры – Константинополь, афонские монастыри, Палестину). По преданию, путешествие к Афону совершил будущий основатель Печерского монастыря Антоний, а в 1062 году в Палестину отправился игумен Киево-Печерский Варлаам. В начале XII века и позже «хождение на богомолье», то есть к святым местам Византии и Палестины, получило довольно широкое распространение, о чем неоднократно упоминается в летописях.

Сказание о святых Борисе и Глебе. Миниатюра из летописи

Кирилл Туровский

Кирилл Туровский, известный как талантливый поэт, стал также одним из самых влиятельных представителей торжественной, стилистически окрашенной проповеди второй поло-

вины XII века. Время сохранило довольно много произведений этого автора, дав возможность современным литературоведам составить целостное представление об особенностях его творческой манеры и мировосприятия.

Кирилл Туровский – это видный церковный деятель своей эпохи, епископ города Турова. Большую популярность он приобрел благодаря многочисленным наставлениям, торжественным речам и молитвам. Из многих произведений, которые приписывались Туровскому, несколько особенно ярких принадлежат ему несомненно. Это, прежде всего, «Притча о человеческой душе и о теле» (о слепце и хромом), «К игумену Василию Печерскому» (о легкомысленном царе и его мудром советнике), «Сказание о черноризце чине» (то есть о монашеском состоянии). Кроме того, древний автор написал около тридцати молитв, два канона и восемь похвальных «слов», посвященных прославлению христианских праздников. Туровский, несомненно, был выдающейся личностью, имел большой талант к торжественному красноречию, виртуозно владел высоким писательским мастерством.

Особую заинтересованность со стороны специалистов вызывают «слова» Кирилла Туровского. Риторическое искусство вообще является очень сложным и тонким, оно сродни мастерству античных ораторов. Подражать этой традиции очень трудно, тем большего уважения достоин человек, который способен стать в один ряд с лучшими мастерами прошлого. Основным художественным принципом произведений Кирилла, посвященных христианским праздникам, является варьирование той или иной темы и развертывание ее до тех пор, пока содержание вопроса не будет полностью исчерпано.

Завершаются все «слова» призывом еще раз прославить праздник, обращением к героям повествования, похвалой им и молитвой. Произведениям епископа Туровского свойственна высокая одухотворенность, поэтичность, эмоциональность и наличие реалистических черт, взятых из жизни. Примером может служить «Притча о человеческой душе и теле», написанная между 1160 – 1169 годами. Она является острым обличительным памфлетом, направленным против ростовского епископа Федора. Возможно также, что Кирилл Туровский имел в виду еще одного человека – князя Андрея Боголюбского. Эта притча представляет собой единственное произведение писателя, написанное им «на злобу дня».

Туровский-епископ в свое время был очень влиятельным и уважаемым человеком, а как писатель достиг значительной популярности. Современники сравнивали его даже с Иоанном Златоустом.

Игумен Даниил

Одним из паломников, посетивших «святые места» между 1106 – 1108 годами, был игумен Даниил. Его считают выходцем с Черниговщины. Свое путешествие игумен начал из Константинополя, затем отправился морским путем к палестинскому городу Яффе, а оттуда с другими паломниками совершил пеший переход до Иерусалима. Добравшись до цели своего путешествия, Даниил поселился в монастыре Св. Саввы и прожил в его стенах 16 месяцев. Игумен потратил это время на знакомство с легендарными памятниками библейской истории и на создание детального описания всего, что увидел собственными глазами. Он записал немало легенд и апокрифических сказаний, мастерски воссоздал топографию средневековой Палестины. Результатом поездки стало создание «Житья и хождения Даниила Русьския земли игумена», рассказы, преисполненные глубокого патриотизма и любви к родной земле.

«Киево-Печерский патерик»

Выдающимся литературным памятником, дошедшим до нас, стал также «Киево-Печерский патерик» (XIII в.) – сборник религиозно-фантастических рассказов об истории и жизни

монахов Киево-Печерского монастыря. Эти тексты могут вызвать интерес не только у ученых. Однако современному человеку фантазия далеких предков может показаться иногда слишком бесхитростной...

Страница «Киево-Печерского патерика»

Полеми́ческая литература

История украинской культуры второй половины XVI века характеризуется, прежде всего, тем, что наша страна стала приобщаться к общеевропейским культурным процессам, в значительной мере выходя из определенной замкнутости. Это было связано с ростом национального сознания, которое требовало пересмотра устоявшихся представлений о литературном творчестве. Теперь долгом художественной литературы стало взять на себя роль учителя, который развивает и сохраняет основные черты национального сознания. Много произведений различных жанров, датированных теми годами, содержат многочисленные размышления о слове, его природе, влиянии на развитие как отдельной личности, так и истории государства в целом.

В прошлом любого народа немало так называемых переломных моментов историко-культурного развития. Их всегда сопровождали конфликты между традициями и потребностями реальной жизни, между устоявшейся формой и новым содержанием. Обострение этих противоречий, конечно же, не могло не отразиться в творчестве талантливых, эмоциональных людей и, прежде всего, в произведениях литературы. К сожалению, писатели часто наделены особым трагизмом мировосприятия. Мир во все времена был несовершенен, но идеи изменить его к лучшему всегда привлекали мастеров слова, обладающих даром изображать жизнь с ее проблемами очень ярко, заставляя своих соотечественников не только задуматься над кризисной ситуацией, но и искать выход из нее. А еще – не повторять ошибок своих предков...

Полеми́ческая литература, распространенная в XVI – XVII веках, отразила религиозные споры, обострившиеся в связи с Брестской церковной унией 1596 года (объединение православной и католической церквей). Таким образом православные писатели высказывали протест против распространения католицизма и униатства. Полеми́ческая публицистика развивалась преимущественно в Остроге и в среде православных братств.

Развитие полеми́ческой литературы в конце XVI и начале XVII век стало реакцией на события, которые имели большой резонанс как в церковной, так и в политической жизни. Кроме того, это был своеобразный ответ на произведения католических писателей, посвященные наиболее острому вопросу современности (прежде всего, речь идет о книге Петра Скарги «О единстве церкви Божией»). В ней говорится о реформе календаря, введенного указом Папы Григория в 1581 году, и официальном сообщении об объединении церковью на Берестейском Соборе (1596). Как ни странно, но уния ускорила культурное развитие нашего народа, несмотря на то, что у авторов этого проекта были совсем другие цели. Уния способствовала небывалому подъему творческой активности отечественной литературы, заставив ее не отставать от Западной Европы. Уния вызвала у наших предков острый протест и подняла их на борьбу. Украинцев очень встревожили попытки соседей-католиков взять под свою опеку ум и душу их соотечественников. Писатели стали на защиту собственной веры и традиций, сказали свое слово в защиту духовного наследия. Они создали большое количество полеми́ческих трактатов, памфлетов, посланий, в которых отстаивали интересы своей нации. Православные полеми́сты того времени (их называли еще «благочестивыми») почти все вышли из кружка ученых, сформировавшегося вокруг Острожской академии. Именно это дает возможность объединить их в отдельную группу, наподобие литературной школы, несмотря на всю индивидуальность каждого из авторов.

Первое полеми́ческое произведение, «Послание к Латин из их же книг», появилось в 1582 году. Автор этого трактата, дополненного интересными стихами, остался для нас неизвестным. Но он сделал большое дело: стал примером для других писателей, показав возможности прямого обращения к читателям и соперникам. Уже в 1587 году во Львове вышел «Ключ

царства небесного», написанный ректором Острожской академии Герасимом Смотрицким. Произведение содержало меткую и язвительную критику папской политики, убеждало в необходимости отстаивания принципа церковной соборности. Мастер публицистического слова, Смотрицкий удачно показал вредное воздействие богословских нововведений в практическую жизненную сферу. Это дало ему возможность легко определить все важные стороны нового календаря для крепостного люда. В этом трактате в полной мере проявились убийственная ирония остроумного ректора и острота его языка. Например, он «сокрушался» по тому поводу, что непослушная природа никак не обращает внимания на папскую реформу и почему-то продолжает жить по своим собственным законам...

Еще один автор того же кружка, который заслуживает особого внимания, – Василий Сурожский. В 1588 году он тоже присоединился к полемике, которая все усиливалась, и издал книгу «О единой истинной православной вере». В данном случае мы имеем дело с весомым богословским трактатом, который повествует о причинах конфликта восточной и западной церквей. Все вопросы автор рассматривает подробно, последовательно, систематически. Он касается католиков, протестантов и рационалистов, разворачивает перед читателем принципы православия.

После Брестейского собора полемика приобрела новую остроту. Полемическое противостояние усилилось после выхода еще одной книги Петра Скарги «Описание и оборона собору руского Берестейского». В ней автор защищает историю собора с точки зрения католиков, унию от критики со стороны православных. Православные в долгу не остались, выдав документальный протокол Берестейского собора (1596) и целый ряд трудов влиятельных лиц тогдашнего научного мира. Кроме того, к полемике присоединились многочисленные агитаторы, которым уния откровенно не нравилась. Например, Стефан Зизаний, который «порадовал» Папу многими устными высказываниями и изданной в 1596 году книгой под названием «Казанье св. Кирила о антихристе». В ней автор изображает главу католической церкви как антихриста.

Не остался в стороне от полемики и Христофор Филарет. По мнению исследователей, под таким псевдонимом писал близкий к острожским кругам шляхтич Мартин Броневский, известный своим незаурядным умом и блестящим образованием. Во всяком случае, изданная в 1597 году книга «Апокрисис албо Отповедь на книжки о соборе Берестейском» очень напоминает манеру письма Броневского. В ней против Скарги и униатов автор использовал тщательно построенную систему исторических и логических доказательств. При этом он откровенно предупредил в обычном для того времени стихотворном предисловии, что его цель – «на клеветы вкратци отвещати». А чтобы книгу сразу же не сожгли, посвящение написал на имя канцлера Замойского... Произведение это состоит из четырех частей. Первая рассматривает события Берестейского собора и анализирует деятельность на нем представителей обеих церквей. Здесь автор подробно остановился на «злочинствах» лиц, причастных к унии, среди которых оказался и киевский митрополит. Вторая часть посвящена защите православной позиции и провозглашению идеи народовластия в делах церкви (Скарга же утверждал, что «миряне» не могут принимать участия в соборах и в руководстве церковными делами). В третьей части поднимается вопрос о полноте власти Папы Римского и тех основаниях, на которые опирается эта традиция. Наконец, в последней части Броневский защищает восточную церковь и рассказывает об издевательствах униатов над православными. Кстати, тут автор проявляет себя незаурядным политиком. Книга написана сдержанно, спокойно, но иногда очень остроумно и даже едко. А документальные подтверждения выглядят очень убедительно даже сейчас (здесь процитировано одних только писателей 60 человек!).

Большой резонанс получили два полемических письма неизвестного писателя (мы знаем его только как Клирика Острожского): «Отпис на письмо в Бозе велебного Отца Ипатия», напечатанный в Остроге (1598), и ответ «На второе письмо велебного Отца Ипатия» (1599 г., не напечатан). Оба произведения написаны по поводу частных писем Ипатия Потия к князю

Острожскому. Возможно, такое поручение дал автору сам князь. Эти письма – образец блестящей публицистики, они написаны очень талантливо, живо, проникновенным тоном, остро и остроумно. Потия, например, писатель изобразил как старого лиса, – он коварно подкрадывается к гусятам, собираясь ими полакомиться. Еще Клирик Острожский в 1598 году порадовал читателей хорошим памфлетом, в основу которого якобы была положена старая рукопись. В нем высмеивались сами основы унии, выведенные из известного флорентийского собора 1439 года. Эту довольно-таки фантастическую историю впоследствии широко использовали православные полемисты.

Клирик был человеком редкого таланта, к тому же он получил прекрасное образование (цитировать в те времена Петрарку мог не каждый!). Манера его письма напоминает литературную манеру Мелетия Смотрицкого (1578 – 1633). Поэтому некоторые исследователи считают, что, возможно, под псевдонимом Клирик в молодые годы писал именно он. Максим (в монашестве Мелетий) Смотрицкий, сын знаменитого Герасима Смотрицкого, был воспитанником острожской школы и хорошо знал особенности западноевропейской жизни. В 1610 году он издал написанный на польском языке «Плач» – необычайно поэтичное, но на удивление пессимистическое произведение (тогда автор подписался как Теофил Ортолог). Украина в воображении Смотрицкого оживает, плачет, жалуется на своих детей за то, что они покинули несчастную мать и православную церковь на позор и лишения. Автор критикует римскую церковь, сравнивает положение православных и католиков, говорит о первопричинах споров между ними.

Мелетий Смотрицкий

Реакция на данное произведение была очень громкой. Представители православия гордились Смотрицким, называли его «отцом благочестия» и «ангелом Божиим», а «Плач» приказывали класть с собой в гроб. Католики же жаловались, что до этого момента никто так зло не нападал на святой престол, называли каждое слово произведения «язвой», а каждую мысль – «ядом», хотя и прикрытым, как приманкой, удивительно красивым стилем. Конечно же, официальное правительство запретило печатать книгу, а изъятые экземпляры конфисковало. Автора «Плача» искали, чтобы казнить. Но издание на то время успело распространиться вплоть до Москвы, а обвинить Смотрицкого не хватало оснований: мало ли кто мог скрываться под псевдонимом! Впоследствии автор скандального произведения вернулся к публицистике. Уже находясь в сане архиепископа, он написал ряд произведений, направленных против униатства. Но, оскорбленный вмешательством братств в церковные дела, он все больше сходил с противниками, а в 1628 году издал книгу «Апология», в которой отрекся от прежних взглядов...

Говоря о церковной полемике, нельзя не вспомнить не напечатанное в свое время произведение «Предостережение зело потребное на потомные часы православным христианам»,

написанное в 1605 – 1606 годах. Ныне считают, что автором «Предостережения...» был влиятельный братчик из Львова Юрий Рогатинцев. По своему содержанию эта книга четко делится на две части. Первая из них – историческая, рассказывает об унии, ее подготовке и проведении, о событиях на польском сейме (1600), где рассматривался протест православных. Вторая же – имеет вид богословского трактата и содержит полемику с мнением относительно главенства Папы Римского в христианском мире. Интересное произведение представляет общую характеристику того времени, пытается проанализировать причины упадка Украины. Наиболее серьезной из них, по мнению автора «Предостережения...», стал невысокий уровень образования и отсутствие школ для народа. Для того чтобы противостоять духовному обнищанию людей, нужны не только книги. Произведения словесности должны опираться на общее развитие науки. Когда же «люди ученые» попытались улучшить положение, начали открывать братства, школы, типографии, а православие получило от них серьезную поддержку, уния уничтожила все добрые начинания. Несмотря на то, что историческую часть произведения никак нельзя принять на веру, вторая его часть все же имела большое влияние на современников и писателей, работавших в последующие годы. «Предостережение...» считается одним из наиболее значительных литературных памятников того времени.

А теперь обратимся к творчеству тех писателей, которые поддержали унию. Среди них было немало талантливых писателей. Прежде всего следует упомянуть Мелетия Смотрицкого (вторая половина его жизни), митрополита Венямина Рутского и Касияна Саковича. Кроме того, крупнейшим униатским полемистом считался такой мастер слова, как митрополит Ипатий Потий (1541 – 16133). К тому времени как он принял монашеский сан и получил имя Ипатий. Адам Потий был известным магнатом, сенатором Речи Посполитой. Этого вельможного пана, вероятно, уговорил оставить светскую жизнь князь Острожский. Князь считал Потия достаточно твердым человеком, способным поддержать православие и провести необходимые реформы в самой церкви. Но, к сожалению, это намерение стало в жизни князя крупнейшей ошибкой. Вместо того чтобы получить умного защитника, православная церковь приобрела могущественнейшего из своих врагов... Потий стал выдающейся личностью среди униатов. Он охотно подставлял себя под нападки полемистов враждебного лагеря и отвечал не по-монашески зло, агрессивно, удачно и метко. Митрополит успевал наносить удар каждому, кто брался писать на тему унии. Он всячески отстаивал необходимость объединить церковную жизнь вокруг Рима. В 1596 году в Вильно вышла книга Потия «Уния албо выклад преднейших артикулов ку зодноченью Греков с костелом Римским належащих». В ней объяснялись особенности римской церкви, исследовались те догматические и обрядовые различия, которые разделили украинцев на два лагеря. При этом автор одинаково нападал и на протестантов, и на православные братства. В 1596 году Потий напечатал брошюру «Календарь римский новый», а после Берестейского собора начал рассказывать о нем с униатской точки зрения. Далее полемист перевел с польского известную книгу Скарги, а в 1597 году издал еще один свой трактат «Справедливое описание поступку и sprawy синоду Берестейского» (до нас он, к сожалению, не дошел). Клирику Острожскому Потий ответил «Отписом на письмо няякого Клирика Острожского безыменного» (1598), а Филарету – книгой «Антириси́с» (1599). Известным произведением полемиста является также «Гармония албо согласие веры» (1608), имевшее откровенно агитационно-публицистическое направление. Так Потий «сумирно» высказался за возможность церковного согласия, но в то же время постоянно остро нападал на православие в своем новом трактате.

Димитрій Туптало

Петр Могила

Хотя расцвет полемической литературы пришелся на конец XVI – начало XVII века, церковная полемика долго не утихла и продолжалась в течение всего XVII века. Позже ее знамя после Ивана Вышенского подхватили И. Борецкий («Аполлея апологии», где автор выступает против М. Смотрицкого), Петр Могила («Камень с пращы истины» – против К. Саковича), Иннокентий Гизель («Истинная вера»), Лазарь Баранович («Меч духовный»), Иоаникий Галятовский («Мессия правдивый»), Стефан Яворский («Камень веры»), Димитрий Туптало («Розыск о раскольнической Брынской вере») и многие другие писатели. Но их произведения со временем превратились в путаницу богословских тонкостей и совсем оторвались от реальной жизни.

Иван Вышенский – предтеча украинского барокко и совесть своего народа

Этот знаменитый монах-аскет, талантливый писатель-публицист и фанатик правды является самой яркой фигурой в полемической литературе.

В биографии Ивана Вышенского значительно больше «белых пятен», чем выясненных фактов. Скупые автобиографические сведения литературоведы получили из произведений самого писателя и нескольких разрозненных документальных сообщений о нем. Мы точно не знаем не только даты рождения и смерти Вышенского (примерно 1550 – 1620), но и того, настоящая ли это его фамилия или только литературный псевдоним.

Когда писатель переселился на Афон, тоже неизвестно. Ориентировочно можно утверждать, что это произошло в 1580 – 1581 годах (некоторые исследователи считают, что речь должна идти о 1596 годе). Вышенский, который находился в расцвете физических и духовных сил, энергичный, горячий, любящий жизнь, вдруг отправился в далекое путешествие в Грецию, на Афон. В греческих монастырях практиковалось суровое подвижничество и почти полное отсутствие контактов с внешним миром. Там, на Святой горе, украинский писатель сменил светскую одежду на монашескую рясу и стал аскетом. Этот шаг – неразгаданная тайна биографии Вышенского. Что заставило его отказаться от привычной жизни? Вряд ли мы сможем сегодня отыскать ответ на этот вопрос. Возможно, на принятие такого решения писателя толкнула его собственная цельная натура, отвращение к лицемерию и фальши. Как бы там ни было, но Вышенский до последних своих дней не изменил монашескому сану. На протяжении почти сорока лет он не покидал стен монастыря. Оставить спокойную жизнь на Афоне и вернуться в Украину он смог всего лишь раз. Вышенский сделал это ради того, чтобы личным влиянием и непосредственным живым словом поддержать своих соотечественников в борьбе «за общую пользу и за свое спасение». Этому монаха называли совестью народа и властителем дум современников. Хотя Вышенский не имел того образования, которое было у многих тогдашних писателей, он, однако, превзошел всех своим редким талантом пламенного слова.

О втором афонском периоде полемиста известно совсем мало. Голодная аскетическая жизнь подорвала его здоровье, сказывалась и тоска по родине. Но в Украину Вышенский больше не вернулся. Считают, что писатель оставил этот мир на высшей стадии аскетизма, когда он жил в афонской пещере-келье. Монахов, которые выбрали для себя такой путь, спускали с помощью веревок на маленькие уступы, куда выходили пещеры. Попасть самостоятельно вверх аскет не мог. Настал день, когда братия провела к месту добровольного заточения седого старца, которого мир знал как писателя Ивана Вышенского. Раз в день кто-то из служек спускал подвижнику (опять-таки на веревке) немного воды и хлеба. Но однажды кружка с водой простояла на карнизе возле пещеры три дня... Увидеть сверху, что происходит в природной келье, монахи не могли. Несколько из них были спущены вниз и вернулись наверх с печальной вестью: Вышенский тихо покинул этот мир в полном одиночестве. По обычаю, обитателя пещеры после смерти там и оставляли, просто закрывая камнем вход. Так сделали и с Иваном Вышенским. Сегодня никто не может сказать, где именно на Афоне упокоился писатель.

Вышенский известен благодаря своим посланиям и полемическим трактатам, важнейшими из которых являются «Послание ко всем, в Лядской земле живущим», «Послание к князю Острожскому», «Писание к утикшим от православной веры епископам», «Разоблачение дьявола-миродержца». Всего до нас дошли два десятка таких его произведений. Из них, кстати, при жизни автора были опубликованы лишь семнадцать.

Этот мастер по праву считается одной из самых ярких фигур нашей литературы. Основные принципы его творчества формировались на почве христианской культуры. Резкий, непри-

миримый тон произведений Вышенского на фоне вяло-стандартных высказываний его коллег невольно привлекал к себе внимание. Писатель враждебно относился к светской культуре и образованию и считал, что спасение возможно только при условии ухода от мира. Реальные признаки упадка общества, прельщение мыслей, традиций и стиля жизни Запада беспокоили полемиста. Он все больше воспринимал мир как средоточие греха и зла. Больше всех доставалось самому грешному, по мнению автора, государству того времени – Речи Посполитой. «Где бо ныне в Лядской земли вера? Где надежда? Где любовь? Где правда и справедливость суда? Где смирение? Где евангельские заповеди? Где апостольская проповедь? Где святыя законы?..» – гневно вопрошал в своих произведениях писатель. Но Вышенский не только обличал. Он бичевал в своих сочинениях тех, кого считал виновными в отходе общества от основ веры. «Да прокляты будут владыки, архимандриты и игумены, которые монастыри запустили и фольварки себе из мест святых устроили и сами только с прислужниками и приятелями в них телесно и скотски скрываются, на местах святых лежат, деньги собирают». За жизнь в чрезмерной роскоши и за бесчеловечное отношение к крестьянам-«хлопам» доставалось на орехи и представителям верхушки общества. Кстати, Вышенский первый отступил от «чистой» полемики о делах церкви и начал говорить о неоправданно бедственном положении простого люда. Однако выхода из удручающего положения писатель не видел и надежд на улучшение этого мира не имел (хотя считал, что именно «хлопы» и мещане, которые объединялись в братствах, могли бы изменить ситуацию к лучшему). «Нет города целого от греховной болезни – всё струп, всё рана, всё опухоль, всё гниение, всё огонь адский, всё болезнь, всё грех, всё неправда, всё лукавство, всё хитрость, всё коварство, всё кознь, всё ложь, всё мечтание, всё синь, всё пар, всё дым, всё суета, всё тщета, всё привидение», – жаловался полемист-аскет.

Послание – литературное произведение, чаще всего поэтическое, имеющее форму обращения к какой-то определенной особе или коллективному адресату. Оно служило поводом для раздумий над социально-политической, мировоззренческой или этической темой. Жанр послания возник еще в античной литературе. С приходом христианства его активно использовали проповедники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.